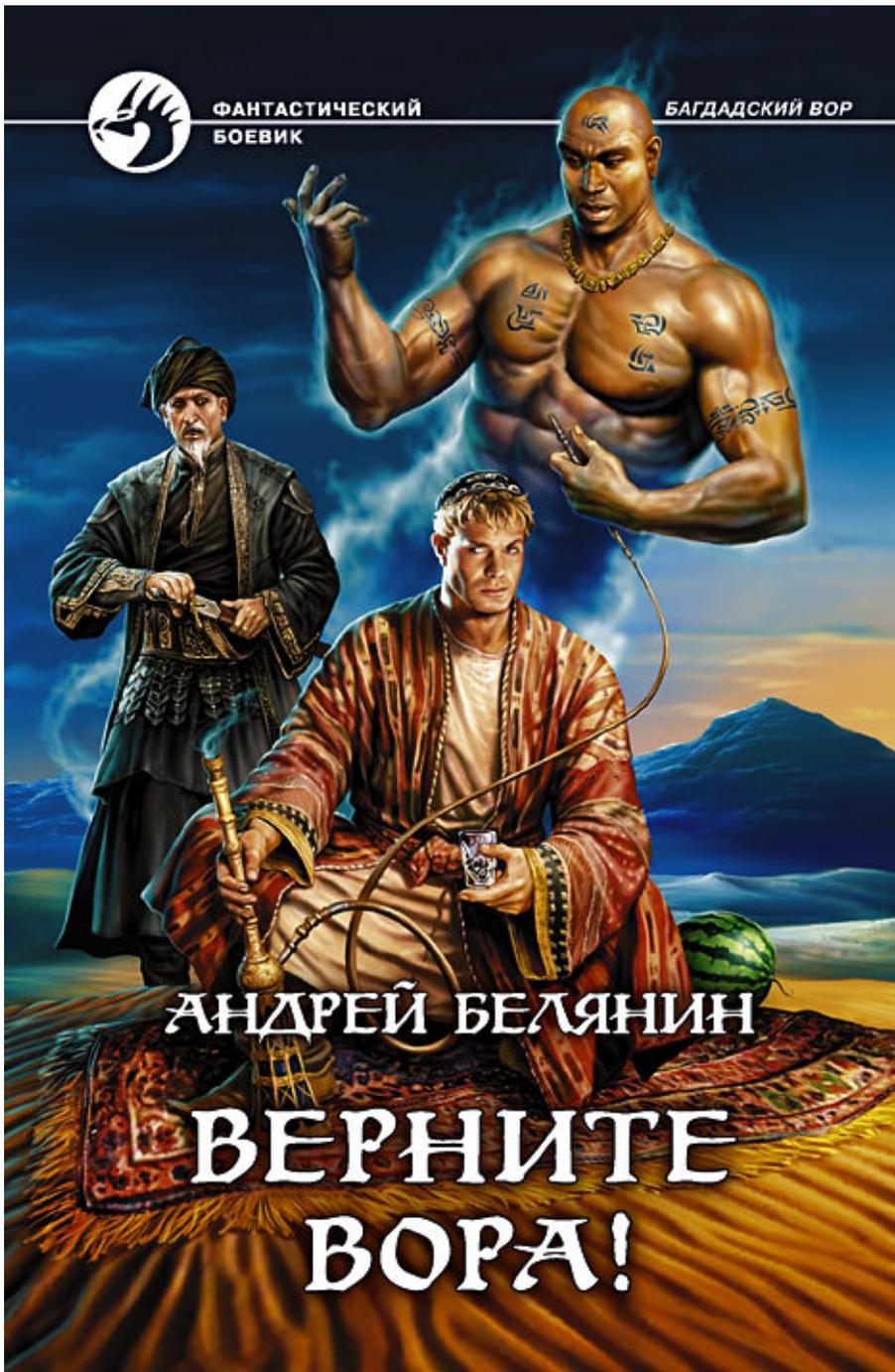

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

БАГДАДСКИЙ ВОР

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ВЕРНИТЕ
ВОРА!

Андрей Олегович Белянин
Верните вора!
Серия «Багдадский вор», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2968105
Белянин А. О. *Верните вора!*: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1060-6

Аннотация

И вот когда весь исламский мир стоял на грани войны, в благородную Бухару вернулся Багдадский вор – Лев Оболенский! Как он попал на Восток, как превратил эмира в осла, как одолел городскую стражу Шехмета, как летал на ковре-самолете, как заставил служить себе самого шайтана, как спас истинные ценности Корана, остановив маньяка и злодея, черного шейха Хайям-Кара, кто бы знал...

Но в данном случае всему написанному точно следует верить! Ведь эту историю рассказал не автор книги, а сам Ходжа Насреддин! Уж он-то всегда говорит только правду, клянусь Аллахом...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	44
Глава двенадцатая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Белянин

Верните вора!

Пролог

«Алла-а-а! Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Обратимся с молитвой к престолу Всевышнего, Создателя миров, Всемилостивейшего и Милосерднейшего! Ибо в свете бесконечной мудрости своей призвал он на борьбу с пороком великого чёрного шейха Абдрахима Хайям-Кара, и заточил гневом его меч, и вознёс над его головой зелёное знамя истинной веры! Дабы содрогнулись пред гневным лицом его ослушники шариата, опомнились нарушители заповедей, устыдились враги верующих и возрадовались сердца истинных праведников. Воистину, нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его! Нет веры, кроме ислама, и шейх Хайям-Кар – щит её! И падали в пыль города, и смирялись гордые, и покорялись сильные, и вздрагивала земля от Басры до Хорезма под грозным копытом его боевого коня! Новый мир воцарялся в мире, но лишь один грешник не склонил головы. Сам шайтан спустил его с цепи смущать умы праведных мусульман, и имя этого безумца – Лев Оболенский!

– Алла-а! Бисмиллях ир-рахман!

Откуда это? Почему я это помню? Какие неведомые отзвуки в моей душе, душе православного казака, вызывает высокий голос муэдзина, ежедневно поющего с далёкого минарета, гортанно и раздольно, на всю степь, на всю пустыню, на всё небо, на весь свет...

И мир внимает священным словам «Аллах акбар!». Не тому страшному, доставшему всех, безумному кличу террористов, убивающих женщин и детей, а – исходному, чистому, незапятнанному смыслу этих слов: «Господь велик! Воистину велик! Мы все лишь неразумные дети его, и наша жизнь подобна песчинке в часах Вечности». А много ли песчинок мы можем узнать в лицо, пересыпая песок сквозь пальцы на берегах могучей Волги, священной реки Ра, связующей Египет и Россию, или самого сиятельного Нила, отражённого в Млечном Пути...

Но о чём мы? А-а-а... Я не видел Оболенского два года. Мы поругались. Вернее, он. То есть я. Нет, опять не так, это я вновь ищу достойного оправдания в ссоре с другом и пытаюсь возложить вину на него, а не на себя, хотя всему виной моя гордыня. Я обиделся на него, каюсь. Но Лев первый повёл себя нечестным образом! Он позвонил мне в Астрахань и прямолинейно, в своей манере заявил:

– Слушай, Андрюха! Первый роман, который ты обо мне написал, был похож на большой анекдот. А вот второй не понравился нашей секретарше. Чё за фигня?!

– То есть сам ты не читал «Посрамителя шайтана»?!

– Не-э... некогда было. Но она же сказала, что ей не понравилось, значит...

Я повесил трубку. Да пошёл он! Вместе со своей секретаршей-литературоведкой, если её вкусу он доверяет больше, чем своему! И вообще, с творческими людьми нельзя так разговаривать, у нас ранимые души, нам легко сделать больно...

Короче, с тех пор мы не общались. Общие московские друзья говорили, что Лев собирався посетить Прагу, где я бываю едва ли не ежегодно, но мне оно было глубоко до неоновой лампочки. Ну как он мог так со мной – не прочёл книгу, не составил своё мнение, не спросил у автора, в конце концов, а поверил какой-то очередной грудастой блондилоидке в мини-юбке?!

Моему глупому гневу не было разумного объяснения, хотя в такой ситуации достаточно было лишь перекипеть пару дней, а потом созвониться. Но ни он, ни я вовремя не сделали первого шага. А потом... потом было поздно и бессмысленно, пёстрый вагончик жизни уже шёл по другой трамвайной линии. Ну да неважно, проблема не в этом. А в том, что чёрт-те сколько времени спустя, без малейшего предупреждения, в мою дверь постучали.

Я был дома один, мои домашние на праздники уехали к родным. Тишина, покой, «Спящий купол» в чайнике, чёрный шоколад, хорошая книга и... облом. Вставать и смотреть, кто там припёрся, не было ни малейшего желания. Но на третий упорный стук я уже занервничал. Встал, подкрался к двери на цыпочках и заглянул в глазок. Увиденное не обрадовало – на меня умилённо уставился незнакомый узбек в драном халате и скособоченной тюбетейке.

– Чего надо? – не открывая, громко спросил я.

– Хвала Аллаху, вы дома, о почтеннейший! Мой друг, Лев Оболенский, сказал, что здесь я могу найти еду и кров...

Я автоматически распахнул дверь и замер перед своим зеркальным отражением.

– Домулло?!

– Офигеть... – так же поражённо выдохнул Насреддин.

– А... где Лев? – не зная, о чём ещё можно спросить, выдал я.

Боже, боже, боже... Ведь предо мной сейчас стояла живая легенда всего мусульманского мира, а я задавал глупые вопросы о том, о ком ничего и слышать-то не хотел!

– Уважаемый, это долгая история...

– Намёк понял!

...Час спустя за столом с пельменями по-астрахански и красным балканским вином мне поведали начало дивной и правдивой истории о третьем походе моего друга в сказочные дали таинственного Востока! Я слушал, я спрашивал, я уточнял, я спорил, только-только успевая записывать самое основное. Сказка вернулась, встала в полный рост и отозвалась в моём сердце, словно откликнувшийся в горах эхом звук узбекского бубна. Дрожащей, полузабытой мелодией, стуком каблучков, жарким током крови в висках, едва уловимым шёпотом жёлтой пустыни, звоном старинной серьги с голубой бирюзой, изогнутой ятаганами арабской вязью древнего текста! Бум-балаки-дон, бум-балаки-дон, бум-балаки...

Глава первая

*Не грех украсть, если ничего иного не нашёл человек для
продления жизни своей...*
Достоверный хадис

Лев не любил рассказывать о своих путешествиях в Багдад и Самарканд. Пару раз поделился с друзьями по работе на шашлыках, так они же его и оборжали. Причём не с высоколитературной, художественной или научной критикой, а по принципу «не умеешь врать – не берись». Дело едва не кончилось дракой, а это были хоть и нетрезвые, но деловые партнёры. В жизни Оболенского неожиданно стали набегать тучки, вроде бы и по мелочи, но мелочи, как известно, имеют нехорошую тенденцию накапливаться.

Потом ему начали сниться восточные сны. То есть в общем-то они, конечно, снились и раньше как время от времени всплывающая память о прошлых героических деяниях. Но сейчас эти сны были заполнены незнакомыми персонажами, там не было прекрасной Джамили, хитроумного Насреддина, суетливого башмачника Ахмеда, богатырши Ириды аль-Дюбины, могущественного джинна Бабудай-Аги и великого дедушки Хайяма. О последнем благородный потомок князей Оболенских вспоминал не иначе как со слезами на глазах...

О нет! Те сны, что жаркими ночами наседали на моего друга, были полны разрывов бомб, свиста снарядов, коротких молний трассирующих пуль, чёрного, душащего, жирного дыма от пылающих нефтяных скважин и сдавленного плача ребёнка. Тихого, беспомощного, раздавленного лязгом танковых гусениц и воем реактивных самолётов. Этот несказочный Восток пах только смертью!

Лев вставал среди ночи с мокрой головой, выходил на балкон, умиротворяясь спящей Москвой, тёр ладонями холодный лоб, вновь и вновь давая себе слово, что он туда больше не поедет. Сегодняшние проблемы Ирака, Ливии, Сирии, Йемена, Египта и так далее – это внутренние дела данных стран, никоим боком не касающиеся его воровской деятельности, проходившей в этих землях шайтан его разберёт сколько лет назад! И всё-таки, всё-таки, всё-таки...

Как говорят мудрецы, «человек предполагает, но Аллах знает лучше». И вот в один прекрасный (или ужасный) день помощник прокурора господин Оболенский вдруг поймал себя на том, что его со всех сторон окружают сплошные азиаты... Ей-богу!

Они были везде – вычищали улицы, подавали кофе в «Шоколаднице», ремонтировали подъезд его дома, торговали шаурмой у ближайшего метро, трудились носильщиками и грузчиками в супермаркетах и, казалось, превращали привычную его детству старую русскую Москву в некое подобие оголтелого многонационального Нью-Йорка. С той лишь разницей, что там везде мелькали чернокожие, а тут узкоглазые лица.

Мир явственно менялся, непонятно кому в угоду, но теперь те, кого было так удобно и дешёво позвать на время, незаметно оседали здесь навсегда. Закончив одну работу, они тут же брались за другую, благо избалованные москвичи, свысока поругивая приезжих, тем не менее всегда находили им занятие, спихивая на чужие плечи всё, чем гнушались заняться сами. Столица постепенно, но целенаправленно становилась всё более и более евразийской...

Разумеется, Льва это раздражало. Он, так же как и большинство россиян, искренне полагал, что каждый народ хочет и должен жить на своей исторической родине и ничего плохого в этом нет. Однако, когда на глазах у него трое парней с жёлто-чёрно-белыми значками окружили пожилую казашку с двумя багажными сумками, его сердце ёкнуло. Он даже

не осознал до конца, в какой момент вмешался, но ценой порванной рубашки и разбитого кулака в три пинка разогнал юных националистов!

Женщина едва ли не на коленях благодарила своего избавителя и на прощанье, не слушая возражений, сунула ему большущее яндыкское яблоко. С этого невинного фрукта всё и началось...

Нет, Оболенский не стал тут же его есть, а сунул в карман пиджака и пошёл себе дальше. За два квартала до его дома, у перекрёстка, стояли ларьки с фруктами. Мой друг, приценившись там-сям, решил, что эти азиаты вконец задрали цены и в «Магните» оно будет дешевле, но стоило ему сделать шаг в сторону, как...

– Эй, зачем яблоко в карман взял? Платить надо!

– С чего это взял? Это моё.

– Ага как врёт, да?! – осуждающе возвысил голос молодой узбек с коричневым лицом. – А ещё москвич называется... Понаехал тут!

– Ты мне тут ещё порассуждай, кто куда понаехал, – рявкнул обиженный в лучших чувствах Лев Оболенский. – Я сейчас милицию вызову!

– Вах, смотрите на него, люди, – вступился за собрата пожилой азиат в грязном белом фартуке поверх не менее грязного халата, – сам украл и ещё нам угрожает, совсем стыд потерял, да?

– Мы тут тоже милицию вызовем! – дружно загомонили продавцы, и потомок древнего дворянского рода, коим Лев вечно и к месту и не к месту гордился, невольно отступил.

И вовсе не потому, что испугался, а потому, что происходящее само по себе было невероятно дико! Как это, на него, русского, коренного москвича, в столице России, в центре города, нападают какие-то заезжие узбеки, обвиняя в воровстве! И кого?! Его, бывшего Багдадского вора, грозу эмиров, кошмар караванов, ходячий ужас дворцовой стражи, который если уж крал, так никогда не попадался! На его счастье, мимо проходил полицейский наряд. Лев радостно кинулся навстречу и...

– Сержант Бельдыев. Ваши документы, гражданин.

– При чём тут мои документы? – Оболенский с нарастающей паникой отметил, как молодой продавец что-то быстро строчит на непонятном языке второму милиционеру, а тот сурово и понимающе кивает.

– Значит, никаких документов не имеем? Пройдёмте с нами.

– Да куда я с вами не пойду, я...

Он и опомниться не успел, как был атакован целой толпой азиатов, скручен по рукам и ногам, а сержант Бельдыев чем-то коротко и сильно ударил его по голове. Последнее, что Лев разобрал, проваливаясь в плотный душный туман, были слова:

– Совсем бандит, да, наверное, из новых русских. Тащите его в отделение, там разберёмся...

Потом были звёздочки, кружочки, птички и маленькие шайтанчики, кругами носящиеся вокруг его головы. Звёзды молчали, кружочки тоже, птицы щебетали на все лады, а шайтанчики противно хихикали, словно только что сделали какую-то невероятную пакость. Остатками неотбитых мозгов Лев понял, что сопротивление бессмысленно, и признал, что если совсем уж по совести, то у нечистого были причины до него докапываться и, возможно, его месть удалась...

«Алла-а, ир-рахим... шайтани... Блин, не помню! Короче, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, а?» – мысленно пробормотал наш герой, голова прояснилась, кружащиеся пятнышки исчезли, вокруг явственно потеплело, но он по-прежнему был несвободен и его всё так же куда-то волокли без малейшего политесу.

Оболенский попробовал было временно покориться судьбе, как чей-то властный голос остановил его обидчиков:

– Куда вы тащите этого несчастного, о правоверные?

– В зиндан, почтеннейший шейх, – после секундной заминки ответил кто-то. – Этот нехороший человек – вор, он украл яблоко на базаре и оскорбил честных купцов благородной Бухары!

– Он – чужеземец и вполне мог не знать наших законов. Аллах, Всемилоостивейший и Всемогущественный, велит прощать невольное незнание, за что и да простит Он вас в Судный день. Отпустите несчастного!

– Слушаемся и повинуемся, о шейх Хайям-Кар! Да продлит небо ваши годы бесконечно. Но будет ли за это какая-нибудь награда вашим ничтожным рабам?

– Пошли прочь!!!

От такого громоподобного рёва Оболенский окончательно пришёл в себя, а двое стражников дунули вдоль по ночной улочке не оборачиваясь, едва не роняя от страха щиты и копья.

– Иди за мной, незнакомец, – приказал тот, кого звали Хайям-Кар.

Мой друг быстро огляделся, тихо, сквозь зубы выругался неприличными словами и молча проследовал за суровым худым стариком в чёрных одеждах.

Быстро сгущались сумерки, ибо ночь на Востоке падает, как чёрная вуаль на лицо неприступной красавицы, делая окружающий мир таинственным и волшебным. Высокие чинары становятся похожими на спящие минареты, мерцающая вода в арыке отливает живым серебром, маленькие дома на окраинах превращаются в волшебную колоннаду белого и розового лукума, подаваемого на расписном блюде, а высоко в небе протирают заспанные глазки первые застенчивые звёздочки...

– Салам алейкум, Лёва-джан, – сказал старик, когда они уселись на тёплые камни у реки.

– Здоровей бывали, Бабудай-Ага. – Оболенский радушно обнял старого знакомого. – Хорошо замаскировался, только ноги при ходьбе включать не забывай, а то просто паришь над планетой.

– Привычка, – виновато улыбнулся джинн. – Как ты там, почтеннейший? Как дом, семья, достаток, друзья и жёны?

– Всё супер, особенно жёны. Ты, главное, Маше об этом не ляпни – убьёт на фиг!

– Жён? – ужаснулся Бабудай-Ага.

– Нас! – со вздохом поправил Лев. – А чего ты так маскарадно вырядился, словно беглый преступник-визирь с гематомой на всю голову?

– Твой ум не знает разумных границ, почтеннейший...

– Мм, это был комплимент или наезд?

– О человек, – грустно улыбнулся узкоглазый джинн. – Иногда ты упрямством и наглостью напоминаешь мне нашего общего длинноухого друга с именем детей Сиона. Довольно ли тебе будет знания того, что ты здесь неслучайно? Мир вновь нуждается в Багдадском воре, и силой того, чьё имя я назвать не вправе, ты вновь вернулся, дабы вписать на скрижалях Вечности новые страницы!

– А без патетики никак?

– Никак.

– Ладно, что надо украсть, чтобы ты вернул меня домой к ужину?

– Останови меня.

– Чего?! – вытаращился Лев, но Бабудай-Ага уже зыбко таял в тёплом мареве ночи.

– Аллё, стой! Куда пошёл? Стой, мы ещё с тобой не договорили-и! – заорал широкоплечий россиянин, бросился в погоню, увяз штиблетами в бархане, рухнул носом в песок и... проснулся.

Нет, нет, не так, как в дурных романах, когда мы долго следим за головокружительными приключениями героя, а в конце оказывается, что ему всё это просто приснилось. С одной

стороны, даже чуток завидуешь человеку (вот снятся же кому-то такие обалденные сны!), а с другой – как-то всё-таки раздражает... В нашем случае происходящее оказалось значительно круче любых фантазий моего друга.

Он встретил это утро, как и всякий праведный мусульманин, проснувшись за несколько минут до пения муэдзина, призывающего верующих к утренней молитве. Отбросил одеяло, накинул старенький халат, просеменил в угол, достал и расстелил на полу маленький коврик, после чего опустился на колени. Его язык повторял с детства привычные слова:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!

Оболенский, как всегда, закончил свою молитву чуток раньше, чем это было положено, ибо настоящий вор должен выходить на работу до появления клиентуры. Как истинный лев, он отправлялся на охоту в городские джунгли, садился в засаду на базаре и ждал свою добычу – неторопливого крестьянина, зажиточного ремесленника, надменного купца, да кого угодно, лишь бы с деньгами. Его промысел был скромным и достался в наследство ещё от деда, а тому от его прадеда, и так бессчётное поколение времён до тех пор, когда первый питекантроп сообразил, что можно не бежать с высунутым языком за мамонтом, а просто стибрить банан у соседа...

– *Утро красит нежным светом стены древнего... ля-ля!* – пропел Лев просыпающейся Бухаре, выходя на её полусонные улицы.

Метельщики и пожилые сторожа приветствовали его мрачными, укоризненными взглядами, но поделаться что-либо не могли. Вор шёл уверенной, чуть пританцовывающей походкой, и казалось, он мог сунуть себе за пазуху весь город, потому что ещё никому ни разу не удавалось поймать его за руку. Не иначе как сам шайтан хранил его от гнева праведных, но рано или поздно справедливость и закон восторжествуют, и тогда не миновать ослушнику шариата кизилых палок...

Наш герой неторопливым шагом добрался до базара, подкрепившись по пути украденной лепёшкой и горстью изюма, на ходу выдул пол-литра воды у зазевавшегося продавца и намётанным взглядом выбрал себе жертву дня. Невысокий, крепенький дехканин в запылённой одежде путешественника сидел на сером упитанном ослике и о чём-то увлечённо расспрашивал прохожего. Вся его фигура буквально излучала наив и простодушие...

– *Раз пошли на дело я и Рабинович,* – тихо замурлыкал Лев незнакомую доселе песенку, подкрадываясь к бедолаге сзади.

А там уже всё было бы легко до смешного: случайный толчок, искренние извинения, заверение во взаимной дружбе, любви до гроба, приглашение погостить, если караван-сарай занят... и уйти, пятась, мелкими шажками, стараясь, чтоб чужие таньга не слишком откровенно позванивали в кармане. Но тут ослик повернул левое ухо, затем правое, оглянулся, сделал круглые глаза и...

– Не понял?! – тихо выдохнул любитель чужих кошелев, когда осёл издал невероятный по мощи и долготе вопль щенячьего восторга, сбросил хозяина, встал на дыбы и кинулся на шею Оболенскому, как к родной маме.

Лев в мгновение ока был сбит с ног, потом бесчеловечно вылизан, обнюхивая, затискан, обнюхан и расцелован до интимности с ног до головы!

– Мама-а! – взвыл он, отплёвываясь и протирая глаза. – Уберите психическую скотину!

– Воистину, это самый подлый, злобный и бесчестный ишак из всех созданных Аллахом, – со стоном подтвердил поднимающийся хозяин осла, взглянул на Льва и вдруг кинулся на него с неменьшим пылом: – Багдадский вор! О, как долго я тебя искал, свет моих очей!

Пытавшийся было встать Оболенский был вторично брошен наземь и прижат братской тушей крепкого дехканина. Ситуация резко выходила из-под контроля, вокруг начал быстро собираться любопытный народ.

– Что случилось, правоверные?

– Вор хотел ограбить честного мусульманина!
– Ва-ах, как только Аллах такое допускает?
– Но тот поймал его за нечестную руку! Смотрите, они борются, как муж и жена, соединённые по шариату?!

– Вай мэ, вроде не запрещено, раз Аллах допускает...

– Люди, туда же ещё и осёл лезет!

– А что, ослу с ними нельзя?!

– Вай дод, не знаю, Аллах иногда и не такое допускает...

– Ты что творишь, кретиноид?! – отплёвываясь, взвыл Лев, с трудом оторвав от себя целующегося незнакомца. – Отвянь, противный, я не такой!

– А то я не знаю, Лёва-джан... Дай обниму ещё раз, или у меня разольётся желчь от переизбытка чувств и тебе придётся вести меня в чайхану, в отдельный покой, где до самого вечера отпаивать красным вином в обход всех заветов Корана! Но всё равно мои щёки будут пылать от радости нашей встречи!

– Слезь с меня, Элтон Джон в голубой тюбетейке! Мне линять надо-о!!!

А хрен вам, не растущий в здешних широтах! Базарный народ Бухары уже завёлся. Слышались призывы к властям, но кольцо сочувствующих сжималось всё плотнее, изыскивая, как бы до прихода слуг закона излить хоть на кого-то праведный гнев истинных мусульман, по долгу веры знающих, как и чем наказывать бесстыжего вора. Тем более такого, всех доставшего, как наш московский герой и мой, если не забыли, друг...

– Стража, стража!

– В ухо не ори, да? Храни Аллах нашу стражу, когда её надо, то она вечно не тут... А что, правоверные, мы разве сами не справимся? Вора должно побивать камнями!

– Вай мэ, зачем так говоришь, вразуми тебя Всевышний?! Это блудницу пристало побивать камнями при четырёх свидетелях.

– Так взгляни на этого осла, он целуется с ними обоими, как блудница! Мы все свидетели, хвала Аллаху, у нас есть повод их побить!

Отдадим должное длинным ушам непарнокопытного, ослик мигом сообразил, что дело пахнет керосином, и спешно сделал ноги. Он явно не хотел, чтоб его сочли блудницей. А вот когда народ уже не в шутку начал награждать Оболенского тумаками, опомнился уже и Насреддин:

– Люди, за что вы его бьёте?

– Он вор и украл у тебя кошелёк!

– А-а... э-э... всё это козни шайтана, ибо это не мой кошелёк! – невнятно замялся домулло. – Я его, как бы поточнее сказать, шёл, шёл и...

– Украл, – погромче буркнул Лев, пользуясь тем, что о нём на минутку забыли.

– Вай мэ, воистину, мусульмане, вот кто настоящий вор! – Недалёкие жители благородной Бухары охотно перекинулись в другую сторону. – Бей его!

Оболенский с трудом встал, отряхнулся и, морщась от боли во всех местах, тихо двинул было наутёк по-английски, как неизвестное доселе чувство развернуло его назад. Кажется, это называется совестью...

– Хамы! Холопы! Быдло! В смысле какого лешего вы его бьёте, раз я вор?!

– И вправду, мусульмане, ведь если они оба воры, зачем нам бить одного? Надо обоим воздать кизилковыми палками! Тащим их к кади! А может, прямо здесь воздадим?

Лев успел от души съездить по мордасам двоим самым резвым, но людей на базаре всегда больше одного, а потому законопослушная толпа радостно повязала и того и другого, сдав приятелей на руки наконец-то подоспевшей страже. Четвёрка мрачных, заспанных слуг бухарского эмира, грозно хмурия брови, толкнула нашу парочку и с почётом двинулась к дому кади – верховного судьи города, облечённого властью и правом разбираться в делах, казня и

милуя по собственному усмотрению. Несколько шагов толпа даже сопровождала их, а потом врождённое восточное милосердие дало о себе знать, ибо каждому известна строгость законов для богатого и для бедного...

– Вай мэ, какой белокожий, голубоглазый, светловолосый, как жалко его – страшенький...

– Ну и что с того, что они воры, зато у них любовь! Аллах да смилуется над ними...

– Аллах-то смилуется, а вот кади не очень прислушивается к его мнению.

– Их казнят? Сейчас буду плакать.

– Ай, зачем казнят, дадут по спине тысячу ударов кизиловой палкой, и иди домой!

– Ну да, если хоть что-то от спины останется...

– Зачем мы так с ними, мусульмане, я же теперь уснуть не смогу?!

– Хорошо хоть осёл успел сбежать, не выдадим его, правоверные!

Глава вторая

*Так взгляни ж на меня хоть один только раз...
Русский романс, исполняет Медуза Горгона*

Пока они шли через шумный базар, под проклятия и стоны сострадания, Ходжа из всех сил старался опускать голову пониже, пряча лицо. Бывший же россиянин, наоборот, шёл с высоко задраным подбородком, всем видом показывая независимость и свободолюбивый нрав потомка благородного русского дворянства!

Пылающее солнце замерло в вышине, сияя на синем куполе неба, как всевидящее око Господа, озаряющее последний путь двух закоренелых преступников.

Ходжа ни на миг не сомневался, что кади узнает его, и тогда самое милостивое наказание для «возмутителя спокойствия» будет посадение на кол! Лев тоже не строил на счёт себя особых иллюзий, тем более что к судье его приводили уже трижды, но бездоказательно, и в последний раз кади пообещал обезглавить его по-любому, ибо надоел, блин! Поэтому, как только они перешли в узкий лабиринт улиц, направляясь к нужному кварталу, бдительный Насреддин быстро заметил соратнику:

– Лёва-джан, о свет очей моих, суперстар Багдада, любитель гаремов и посрамитель шайтанов, ты как это, вконец офигел, да? Ты что, совсем решил меня не узнавать?!

– Да я тебя, прощельгу узкоглазого, в первый раз в жизни вижу, – вяло огрызнулся Оболенский, – и боюсь, что уже в последний...

– Я твой друг и брат, Ходжа Насреддин!!!

– Не болтать! – припугнул ближайший стражник, и эфенди словил древком копыя по тубетейке. Это быстро настроило его на более решительный лад.

– Ах ты, паршивый сын шакала, дитя гиены, помёт ехидны и отрыжка старого верблюда! Не узнаёт он меня, вай мэ?! Да на твоих глазах, низкий изменник, я обхитрю этих стражей и уйду на свободу! А если ты не вспомнишь искусство Багдадского вора, то, клянусь Всевышним, сегодня же твоя голова упадёт на «коврик крови»...

– Чё пристал? Я не знаю тебя, не знаю никакого Багдадского вора, я тихий жулик из Бухары и не...

– Я тебя предупредил, – коварно ощерился герой народных анекдотов, повернулся к самому старшему стражу и начал: – О великий воин и благородный господин, дозволено ли будет такому беспросветному грешнику, как я, до прихода к кади облегчить свою душу молитвой?

– Валяй, но покороче! – сурово кивнул бородой стражник.

Ходжа послушно опустился на колени и длинной скороговоркой зачастил:

– О Аллах, Всемилостивейший и Всемогуственный! Прошу тебя, пусть зарытый мною клад в тысячу динаров, две тысячи дирхемов и три тысячи таньга найдёт достойный человек, который употребит пятую часть этих денег на молитвы о моей пропащей душе... Ну вот вроде и всё, пошли?

Оболенский был готов поклясться всем на свете, что это банальное разводилово он уже слышал и видел, но где и когда?! Память отгораживалась чёрной стеной забвения, плотной и неприступной, как Великая Китайская... Но этот странный незнакомец вёл себя как его старый друг, которых у него никогда не было, а тот ослик радовался ему, словно любимому хозяину! Хотя откуда бы у бедного вора деньги на домашний скот? И вообще, хотя всё происходящее выглядело необъяснимой мистификацией, но казалось, вот-вот, ещё миг, и загадка перестанет быть таковой, все детали мозаики встанут на свои места, а правда восторжествует! Однако пока-а...

– Я не знаю тебя, – устало вздохнув, сдался Лев.

– А я напомню, – сладко шепнул Насреддин, отвешивая другу сурового пенделя с носка в копчик!

Оболенский взвыл и... выругался незнакомым матом. То есть это были яркие и насыщенные слова, вырвавшиеся из самых потаённых глубин необъятной русской души. На мгновение он остановился, медленно, словно бы пробуя на вкус, не торопясь, повторил по памяти всю комбинацию из пяти слов, прикрыл глаза и... вспомнил!

Хайям ибн Омар, Ходжа, Рабинович, Багдад, Шехмет, Джамиля... Аслан-бей, Самарканд, Кара-Анчар... большие города и маленькие кишлаки... арык, караван-сарай, зиндан, гарем, гарем, гарем!!! На последнем слове бывший помощник прокурора окончательно пришёл в себя, но главное, понял, кто он такой и зачем его сюда притащили...

– Аллё, служивые, чего приуныли? Вон начальник ваш с напарником другана моего на другой конец города потащили, клад выкапывать будут. А вы чем хуже? С вами-то хоть поделятся?

– Молчи, грязный вор, – без энтузиазма пригрозили ему два крепыша. По постным лицам было видно, что они и не надеются на свою долю.

– Ладно уж, – царственно повёл плечами Лев, – суньте руку за пазуху, там кошелёк. Дербаньте, пока начальство далеко.

Счастливые стражники, побросав копья и щиты, коршунами накинудись делить нежданную добычу.

– О бесчестный вор и подлый преступник, но здесь всего девять таньга, – обиженно протянули оба. – На двоих, ай-ай-ай, не делится...

– Ну я ж вам тоже не банкومات, – хмуря бровь, призадумался Оболенский. – Но одна таньга – это одна таньга, она лишней не бывает. Предлагаю пари, один берёт щит и лупит другого по голове. Тот, у кого громче получится, значит, и...

Его даже не дослушали. Бодрые стражники, не сговариваясь, бросили копья и схватились за щиты. Один ухнул другого по маковке в тот самый момент, когда второй въехал ему краем щита в висок. Два тела рухнули одновременно, обоих спасли медные шлемы, хотя гула было-о, как от удара молотком по пустому ведру...

– А по полтаньга поделить не судьба никак? Да, если Аллах наказал, добавлять уже не надо, – глубокомысленно изрёк наш герой, легко скинул верёвки с запястий, и, уложив стражей в самой неприличной позе, подсказанной ему его шибко вольной фантазией, прислонился спиной к глиняной стенке ближайшего дома. – И чем же меня так по мозгам напружило, что я ничего не помнил? Неужели Бабудай-Ага устроил, карданный вал ему в заднюю дверцу?! Ладно, наплющу нос этому джинну при встрече. А сейчас есть тема поважнее: под какими часами мне ждать с букетиком друга и собутыльника? Мм... ну, на Востоке, если не оговорено заранее, джентльмены всегда встречаются на виду в приличном клубе. То есть в самой известной чайхане на базаре!

Определившись с генеральной идеей, он беззаботно поправил тюбетейку, с трудом удерживающуюся на пшеничных кудрях, и, насвистывая, двинулся вдоль арыка. Его славянская душа пела! И вовсе не потому, что Лев вспомнил, кто он есть, а совсем по иной причине, внятно сформулировать которую вряд ли сумел бы и он сам. Я попробую лишь угадать, но уверен, что едва ли ошибусь, предположив, что... Льву здесь нравилось!

Дивный воздух Востока, пахнувший жаркими страстями и пряностями, дыхание горячего песка под ногами, неумолимая ласка пылающего солнца, прерывистый шёпот смуглолицых красавиц, завораживающая высота голубых минаретов и, воистину, бездонное небо, накрывающее весь мир куполом надежды и веры в высокий замысел Творца!

Поверьте, ведь дело вовсе не в том, что здесь всегда жила сказка. Вернее, не только в этом. Как бы мы ни романтизировали «Тысячу и одну ночь», но средний россиянин вряд

ли бы обрадовался прописке в своём микрорайоне... злобных ифритов, вызывающих бури, могучих джиннов, перемещающих дворцы, вампиров-гулей, поедающих людей, старух-колдуний с одним зубом (способным перерубить ствол дерева!), а уж тем более бегающих взад-вперёд по своим делам мелких и крупных шайтанов...

Представлять подобное в своих фантазиях весело и забавно, а вот жить в таком кавардаке – уже увольте! У каждого из нас и своих проблем хватает: дом, работа, зарплата, экология, ГАИ, ЖЭК, тёща... куда нам ещё и восточную нечисть? Я горячился, Насреддин важно кивал, со всем соглашаясь и налегая на конфеты «Коркунов», а новая история моего друга расцветивалась свежими красками.

– То есть он опять потерял память?

– Не совсем, – поправил меня Ходжа. – Память мигом вернулась к нему после хорошего пинка под зад! Причём очень важно было правильно пнуть. Я с первого раза попал в нужную точку.

– А-а, видимо, прямо в нервное окончание. Это как акупунктура, иглолечение?

– Что-то вроде.

– Как я понимаю, Бабудай-Ага этим просто сделал вам подарок.

– И не говорите, почтеннейший, такое развлечение...

Глава третья

Главное не победа. Главное – участие!
Адольф Гитлер. Записки из Рейхстага

...Примерно пару часов спустя в самой большой и многолюдной чайхане Бухары, за низеньким дастарханым столиком, встретились двое. Скромный, толстенький стражник эмира, демонстративно не желающий привлекать к себе внимание, и здоровенный еврей-ростовщик с подозрительно длинными пейсами, развалившийся на подушках и непозволительно громко покрикивающий на хозяина заведения.

– Лёва-джан, хоть чуть-чуть покажи то, что ты ошибочно называешь воспитанием. Евреи в мусульманском мире не ведут себя столь вызывающе...

– А как же Холокост, а одесские погромы, а печи Бухенвальда, а великая Шестидневная война в Палестине за создание государства Израиль? Где ваше чувство вины перед моим вечно угнетённым народом?!

– Но ты не еврей.

– Не еврей, – честно согласился Лев, поправляя кипу. – Но хоть разок-то поприкалываться могу? Хозяин! Ещё чаю моему другу! А мне кошерного вина, мацу и рыбу-фиш!

Пожилый бухарец с пузом круглым, как казан, неодобрительно прищёлкнул языком, выразительно похлопав по большому мясницкому ножу, торчащему за широким поясом.

Оболенский лениво улыбнулся и щелчком большого пальца отправил ему золотую монету.

– Ты с ума сошёл?! Хватило бы и пяти таньга!

– А чего жадничать, это же не мои деньги, – ещё шире улыбнулся Багдадский вор, и Насреддин вынужденно согласился.

Чайханщик быстро поставил перед ним горячий чайник и блюдечко с колотым жёлтым сахаром.

– А теперь, о мой вороватый друг, поведай моему истомлённому разлукой сердцу, каким безумным ветром пустыни тебя занесло в Бухару?

– Джинн.

– Где?!

– Я имею в виду, что меня, как всегда, притащил Бабудай-Ага.

– Неймётся ему...

– В точку, – почесав в загривке, подтвердил Лев. – Я так понял, что у вас тут опять не всё тип-топ? Давай колись, какие проблемы сотрясают родину моего покойного дедушки на этот раз.

– Эмир угнетает народ, богатые обижают бедных, муллы крадут пожертвования, шейхи обманывают верующих в мечетях, караванные тропы полны разбойников, городские улицы кишат грабителями, кругом разврат, мерзость, взяточничество и нарушение законов... Да нет, вроде всё как всегда, Лёва-джан.

Собеседники церемонно отхлебнули чаю и продолжили.

– Теперь позволь мне самому ответить тебе на вопрос, который давно читаю в твоих голубых глазах...

– Ходжа, ты так произносишь слово «голубых», что я невольно краснею. Имей в виду, ты не в моём вкусе.

– Вай мэ, не перебивай, уважаемый, ибо я хотел рассказать о Джамиле. – Насреддин выдержал театральную паузу. – Она вернулась в Багдад.

– И...?

– И?

– Я первый спросил «и?», то есть не томи, что дальше-то?

– Не знаю, уважаемый. В тот день, когда я увидел её на улицах Багдада, за мной гнались сразу двенадцать стражников, и если бы не резвость моего ишака, мы бы сейчас не наслаждались беседой в этой дивной чайхане...

– Она не икрная?

– Чайхана?! – едва не поперхнулся Ходжа, но, подумав, быстро поправился: – Не могу сказать наверняка: на твоей возлюбленной было свободное платье, а подойти и спросить прямо мне не позволили стражники, они были так настырны в своем внимании к моей скромной особе...

Оболенский откинулся на смятые подушки и мечтательно прикрыл глаза, вспоминая невысокую черноволосую красавицу, некогда избавленную им от злобного мужа-гуля и толпы его пустынных прихлебателей. Причудливые нити судьбы навек связали сердце женатого москвича нашего времени и сердечко молоденькой вдовы с окраин сказочного Багдада. Если Всевышнему будет угодно свести их в третий раз, то Лев уже не поклялся бы, что вновь сумеет уйти от своей восточной любви...

– Трудно делить сердце пополам, – без напряжения читая мысли друга, вздохнул Насреддин. – Ещё трудней навеки положить его к ногам одной женщины. Возможно, поэтому Аллах разрешил верующим иметь четырёх жён. Но, между нами говоря, Лёвушка, не делай этого. Я разок попробовал и... Поверь, четыре жены – это ад! Четыре тётки, вечно засиживающиеся у тебя в гостях, четыре тестя, приходящие за подарками каждый месяц, четыре пары белых нижних штанов, ежедневно сушащихся на верёвках во дворе... Но что хуже всего – недозволенные дни у них тоже сходятся, словно нахалки сговорились!

– «Каждому просящему у тебя – дай», – слишком вольно трактуя Библию, припомнил Лев. – Тем более мужу!

– Золотые слова... Но попробуй объяснить их истинный смысл женщине?!

Разговор соскальзывал в привычную для мужчин колею и требовал вина. Увы, толстый чайханщик возмущённо замахал руками, грозно расколотил поднос, трижды прочёл молитву против шайтана, но запрещённый алкоголь так и не выдал. По цвету его носа было заметно, что он тихонько злоупотребляет в одиночку, прикрыв лавочку и разогнав клиентуру, но делиться не станет, хоть с ним дерись...

– У нас в Москве такая исламская кафешка прогорела бы за месяц! Слушай, а хоть танцы живота здесь показывают?

– Ну если только сам хозяин станцует. Попроси его.

– Не-э, я не согласен! – Мигом представив себе небритого раздевающегося толстяка с волосатым пузом, Лев решительно поднялся и потянул за шиворот домулло. – Пошли поищем самую низкопробную забегаловку и отпразднуем моё возвращение не по-пионерски!

– Вах, неужели ты имеешь в виду вино, девочек, приятных глазу, «укус пчелы» и прочие нарушения шариата?! Я с тобой!

Они щедро сыпанули на дастархан горсть медных монет и только-только вышли наружу, как на улице были моментально атакованы высоким тощим евреем в нижней рубаше и коротких белых подштанниках. За его спиной сурово топтались два незнакомых стражника. Оболенский впервые пожалел, что уголовная этика не позволяет убирать свидетелей. Крючконосая «жертва» с пейсами спалила его на корню, как шкодливого котёнка...

– Ага, теперь ты попался! И вот он, злодей! Вот он, хватайте его, о доблестные стражи, и да будет вам награда от Всевышнего!

– Ты обещал нам сто таньга, если мы найдём твою одежду, – строго поправили стражники.

Лев открыл было рот, но Насреддин бесцеремонно захлопнул его ему метким тычком кулака снизу.

– Дай мне поразвлечься. Недаром сказано: «Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб». Итак, о мои собратья по службе, я первый поймал вора! По чести половина обещанных денег должна принадлежать мне.

– Воистину сам шайтан задержал нас... Треть денег твоя, о собрат по оружию!

Глава четвёртая

*Вот поймал как-то Джек-петушитель Джека-потрошителя да как начал менять ему ориентацию...
Сказки братьев-в-гриме*

– Отойдём в сторону, братья, и честно решим наши дела, Всевышний любит справедливость.

По знаку Ходжи вся компания отошла на задний двор, где Оболенскому пришлось облачиться и быстренько вернуть все украденные вещи. Молодой еврей радостно приоделся в своё традиционное платье, и вот тогда началась обещанная трагикомедия. Начал, разумеется, сам режиссёр, он же сценарист, он же исполнитель главной роли, он же продюсер, он же... В общем, всё как у Михалкова.

– Иудей, тебе вернули твои одежды. Отдай же нам обещанные сто таньга, дабы мы с братьями разделили их, – величественно пропел Ходжа, поправляя сползающий набок шлем.

– Конечно, конечно, конечно... Ай, у меня же был кошелёк! Вот тут, в кармане. Нет, таки он в другом. Ах нет, в поясе... О Яхве, где мои деньги?!

– Нам это неизвестно, – вместе со стражниками кивнул домулло. – Но заплати нам обещанное, ибо мы сдержали слово!

– Да, да, да... Но как? У меня нет денег, они были в моей одежде, то есть когда она была моей, – засуетился еврей, но быстро прозрел: – Так ведь наверняка этот бесчестный тип украл их! Он украл и мой кошелёк!

– Обыщите его, братья.

Два стражника быстро облапали стоящего голышом Оболенского и, разумеется, ничего не нашли. Ещё бы, искомый кошель кошерных денег давно пригрелся за пазухой Насредина...

– Ничего нет.

– Вай мэ, что же делать? Если честный стражник перестанет получать заслуженную награду за свой труд – небо огорчится, а мир перевернётся!

– Да ведь вам и так платят жалованье с наших налогов, вымогатели, – громко вякнул еврей и прикусил язык, но поздно.

– Как смеешь ты, немусульманин, осуждать наше законное право на обещанные благодарности, подношения и награды?! – грозно обрушились на него все трое стражников. (Одного можно было поставить в кавычки, но суть-то от этого не менялась.) – Это установление самого Всевышнего! Если мы не будем брать, то кто будет? Верни нам наши честные таньга, о хитроизворотливый иноверец!

Далее по сценарию бедный еврейский юноша битых двадцать минут с пеной у рта доказывал, клянясь священной Торой и бородой пророка Моисея, что он вовсе не это имел в виду, и если стражникам так нравится брать взятки, пусть берут ради аллаха, таки кто он такой, чтоб их в этом упрекать?! Вот тут он по-настоящему понял, что опять сболтнул лишнего, но как удержаться, если спор – вторая натура еврея...

– Вай дод, какими чёрными словами он оскорбил нас! Его гневные речи кислотой выжгли мне сердце, взволновали желчь и опустили печень. – Ходжа не стал сдерживать фальшивых слёз и одним красивым жестом добил сочувствующую публику. – Братья мои, а того ли мы поймали? Этот человек даже не знает, где карманы на его одежде и есть ли в них кошелёк с нашими таньга?

– Воистину, – переглянулись стражи.

– Эй, что за... Это я! Я пострадавший! А он у меня украл одежду! Он у меня, а не я у него! Вы что, совсем ослепли?!

– Молчи, иблис лукавый! Все иудеи на одно лицо, – бесстыже соврал герой народных анекдотов, визуально обобщив широкоплечего блондина Льва и стройного чернокудрого семита.

В один миг его заставили раздеться, вернуть вещи, облачили в них Оболенского, который в знак благодарности почтительно обнял «мудрого слугу закона» и, «получив» деньги назад, без проблем одарил стражей аж по динару на каждого. После чего все праведные вопли типа «Так вот же он, мой кошелёк!» уже не имели веса. Молодого еврея безбожно кинули, да ещё и добавили плюшек за «клевету и оскорбление честных людей»...

Таким образом Багдадский вор начал свой чёрный путь по Бухаре с добросовестного или бессовестного ограбления трудолюбивого клана ростовщиков. А поскольку ислам запрещает правоверным давать в долг под проценты, то мой друг даже не понял, на какую могущественную и страшную организацию он задрал лапку. Его такие мелочи никогда не волновали...

– О мои братья по оружию, ведите этого низкого лжеца в иудейские торговые ряды. Если и там он не будет узнан – киньте в зиндан бесстыдника, оскорбляющего наш нелёгкий труд.

– А куда пойдёшь ты, брат? – спросили стражники, по ходу дела связывая руки не прекращающему ругаться на иврите (и, как мы понимаем, ни в чём не повинному) молодому еврею в подштанниках.

– Завершу свой обход базара. Быть может, мне удастся найти ещё одного нарушителя спокойствия, наказав его на пару лишних таньга.

– Лишних таньга не бывает.

Резюмировав очевидное, слуги закона кивнули Ходже и невежливыми пинками погнали несчастного на опознание в еврейский квартал.

– Что с ним будет? – чисто из вежливости спросил Оболенский.

– Оправдают и откупят деньгами, – равнодушно отмахнулся Насреддин. – Мы же в Бухаре, а не в Багдаде. Здесь не принято сажать на кол человека, у которого есть чем платить.

– Коррупция, значит?

– Она самая, Лёва-джан.

Определившись с основной общегосударственной проблемой, соучастники спокойно отправились на поиски верного Рабиновича. Данный эпитет к ослику прилагался довольно часто, причём из уст обоих владельцев. Что, согласитесь, уже само по себе было нелогичным – ведь если оба твоих хозяина уверяют друг друга в твоей преданности им, то кто-то один наверняка ошибается. А в случае с Рабиновичем, похоже, ошибались оба. Меж тем лопухий «слуга двух господ», цокая новенькими подковками, шествовал себе меж торговых рядов, высокомерно кося по сторонам на крикливых продавцов и суetyщихся покупателей.

Базар кипел, бурлил, шумел грозвым прибоем, неумолимо и ярко, словно жил своей собственной жизнью, отдельно от всего мира и сам вмеща в себя весь мир. Люди всех национальностей и возрастов, всякой веры и цвета кожи сливались в единое живое море, колышущееся, не затихающее ни на мгновение, торгующее, покупающее, лгущее, обманывающее, всучивающее, достающее, расхваливающее, обвиняющее, поющее, рыдающее, смеющееся, бьющее себя кулаками в грудь, ибо «клянусь Аллахом, это лучшие персики по обе стороны океана, а ткани моего соседа годны лишь на то, чтобы шайтан подтирал ими свою порочную задницу... Персики купи, да!». Что отвечал на это сосед, не стоит даже воспроизводить, так как мои книги читают и дети. Послушаем лучше других, ведь на базаре главное – слово...

– Женская кожа! Лучшая женская кожа! Башмачки, плащи, кошельки, сапожки из женской кожи... ай! Почему дерёшься, хозяин?! А-а... Продажа изделий из кожи ДЛЯ женщины-ин! Сразу надо было сказать, зачем сначала палкой по голове...

– Ай, уважаемый, подходи сюда! Купи плов, кушай плов, вкусный плов, полезный плов, из лучшего риса, с мясом молодого барашка, с морковью, луком, тмином, изюмом и горохом нут! Покупа-ай! Что сказал? Ты уже покушал плов? Где?! Вон там?! Вай мэ-э... надеюсь, они тебя отравили...

– Сабли, кинжалы, ножи из самого Дамаска! Даже из ножен вытаскивать страшно, боюсь порезаться. Тебе надо, ты вытаскивай, да... Не маши ею, не маши! Ай-ай-ай... Ну, теперь сам поднимай своё ухо. Нет, кошка не утащит. Она уже сытая, с утра все покупатели саблями машут...

Одиноким, празднующим ослик не мог не привлекать к себе внимания. На него оборачивались, окликали, ища взглядом хозяина, пытались поймать за уздечку и удержать за хвост. Бесхозное имущество всегда вызывает повышенный интерес у хозяйственных восточных граждан. Рабинович уже забодался убежать от наплыва желающих увести его с линии основного маршрута. Трёх самых активных соискателей он укусил, одного лягнул копытом в пах, другому отдал большой палец на ноге. Тем не менее две тёмные личности осторожно и невозмутимо подталкивали ослика в круп, заставляя уходить всё левее и левее, пока не загнали в какой-то грязный проулок, заканчивающийся ещё более замызганным тупичком.

Поняв, что его провели, Рабинович отважно обернулся к преследователям мордой и оскалил зубы. Двух грабителей это не очень смутило...

– Хороший ишак. Злой, сильный, высокий. Караванщики много заплатят.

– Да, зубы крепкие. Копыта без трещин, живот не висит. Но глупый, наверняка сбежал от владельца.

Ослик, развесивший было уши после первых комплиментов, тут же понурился. Он прекрасно понимал, что, спасая свою шкуру, бросил на растерзание толпы обоим нежно любимым хозяевам...

– Заходи слева, а я справа. Хватаем моего осла.

– Почему твоего? Я первый его заметил.

– А я сумел загнать его сюда!

– А я указал тебе на него!

– А я...

– Ты только глянь, Ходжа, – раздался насмешливый бас за спинами грабителей. – Спорят, суслики плешивые, прям как мы!

– И не говори, Лёва-джан, – хладнокровно подтвердил крепенький страж с нарастающим брюшком. – Самому стыдно, но так похоже. Неужели мы собачимся из-за никчёмного ишака точно так же, да?

– Что такое, э?! – хором возмутились два недалёких жулика. – Это наш ишак!

– Рабинович? – подмигнул рослый блондин в еврейском платье.

Ослик недолго думая врезал задними копытами по почкам одному умнику и жестоко тяпнул между ног второго. После чего, под вой и стоны жертв, горделиво процокал к своим истинным хозяевам. И как истинный проныра аккуратно остановился между Львом и Насреддином. Сантиметр в сантиметр, тютелька в тютельку – такое надо уметь. Оба соучастника одновременно сомкнули любящие объятия на крутой шее Рабиновича. Сегодня он одержал двойную победу, если вы поняли, о чём я говорю...

Ну в том смысле, что каждый из друзей всем сердцем ощутил, что на самом-то деле ослик предан только ему. И ведь не только ощутили, но и поверили оба! Хоть и не были наивными дураками, но каждому так хотелось верить, что это только «его» осёл...

Я не осуждал их. Более того, даже где-то немножко завидовал, потому что у меня такого замечательного животного никогда не было, нет и уже наверняка не будет. А ведь как было бы красиво и удобно в наше суетное время, минуя пробки машин, душные авто, липучее ГАИ, прыгнуть на спину верного ишака и, забкренив тюбетейку, ехать себе вдоль астраханского лета, улыбаясь прохожим, читая вслух рубаи Хайяма о любви, красавицах и креплёном вине! Мечты, мечты, где ваша сладость?..

Глава пятая

Лорд Грейсток, что вернулся из Африки, вчера в парламенте прыгал по столам, разбрасывал бумаги, качался на портьерах и вообще вёл себя не по-джентльменски. Хотя было смешно...

Эдгар Берроуз

Насреддин гостил у меня в общей сложности больше недели, выходя утром погулять и непременно возвращаясь. Я выделил ему диван в гостиной, но он предпочёл спать на балконе, расстелив моё новенькое одеяло и укрываясь своим драным халатом. Ванну герой народных анекдотов принимать отказался, мотивируя свой отказ тем, что, по мнению пророка Мухаммеда, «ванна есть нечистое место». Хотя от помывки в душе никогда не увиливал, это напоминало ему тёплый горный ручей. Кстати, мыла он не боялся, без спроса спёр мой станок для бритья, умудрившись без посторонней помощи аккуратнейшим образом побрить себе голову. Ел много, вино пил, как немусульманин, а к плите меня даже не подпускал – всё готовил сам. За эти дни я стал утончённейшим гурманом восточной кухни, ибо вот так, как он, готовить узбекский плов, лагман и шурпу не мог никто!

В общем, домулло показал себя вежливым, ненавязчивым и очень приятным гостем, с ним было легко и комфортно сосуществовать. И каждый раз после ужина и до глубокой ночи он рассказывал мне о Льве Оболенском, чей воровской путь становился всё опаснее и круче. Но бывает, что судьба сама избирает для только ей ведомых целей такого несуразного типа, как наш общий приятель, и Лев честно пытался справиться с новой ролью...

Они успели увести ослика, поставив его в стойло маленькой чайханы за углом, и укрыться на крыше ровно за десять минут до того, как проулок быстро заполнился странными людьми в чёрных одеждах. Оболенский опытным взглядом вора сразу отметил их сходство с безжалостными сторожевыми псами. Насреддин же молча утащил друга за рукав подальше от края...

– Не надо туда смотреть, уважаемый. Любой, кто связывается со слугами шейха Хайям-Кара, либо умирает, либо пополняет их ряды.

– А что, там хорошо платят?

– Там человека лишают воли и разума, превращая его в бессловесное оружие, фанатично преданное своему господину.

– Хм... не радуется, – поморщился Лев. – Но тогда, собственно, что им надо в этом тупичке? Двух мелких жуликов, тебя, меня или Рабиновича?

– Даже знать не хочу. Сиди, пей чай.

Широкоплечий россиянин в еврейском платье только фыркнул и не стал спорить. В конце концов, это было не так важно, хотя само имя Хайям-Кар показалось знакомым. В памяти Оболенского что-то смутно отозвалось, словно бы он его уже где-то слышал. Но где и когда?

– Друг мой, давай хоть на день забудем о всех проблемах и просто напьёмся, как две грязные свиньи, прости их Аллах! В этом заведении можно всё: вино, кальян, женщины... Бум-балаки-дон?

– Бум-балаки-дон, – согласился бывшая гроза Багдада. – Но потом ты всё равно мне всё расскажешь.

Эфенди лишь мудро улыбнулся в короткую бороду и, помахав пробегающему внизу мальчику, быстро сделал заказ.

Они только-только успели выпить пару чайников красного румийского, когда их взяли в кольцо восемь воинов в парадной одежде. Хищные клювы длинных кривых ятаганов и зазубренных копий замерли в двух ладонях от породистого носа Оболенского и пьяно хихикающего Ходжи. Начальник охраны внимательно оглядел друзей и отрывисто бросил:

– Вы идёте с нами, презренные черви! Эмир ждёт.

Лицо главного стража тоже показалось Оболенскому безумно знакомым, но радость на сердце от этого не всколыхнулась. Потому что это был...

– Слушаем и повинуемся! – кивнули стражники, за шиворот поднимая наших собутыльников и без малейшего пиетета вытаскивая их на улицу.

Ходжа даже не спорил, он всегда был умнее, а Лев возвысил рычащий голос:

– Чё за беспредел? Где ордер на арест? По какому обвинению нас хватают? Я имею право на один звонок своему адвоката...

Дальше его просто крепко треснули древком копья по затылку, и бывший помощник прокурора рухнул, потеряв сознание. Причём настолько удачно рухнул, что придавил своей нехилой тушей двух молоденьких азиатов из сопровождения. Это можно было расценивать как маленькую месть. К тому же если до дворца эмира хитроумному домулло пришлось топтать пешим ходом, то бессознательное тело Оболенского с почётом волочили на горбу. Так что очнулся он уже в зиндане.

Если кто забыл, то это такая кувшинообразная яма в земле, куда узников спускают на верёвке или лестнице. Стены голые и скользкие, вымазаны глиной и обожжены до крепости кирпича. Бежать некуда. Единственный выход – сверху, но он закрыт решёткой и охраняем бдительной стражей. Я не запугиваю моих уважаемых читателей, но если кто страдает клаустрофобией – не езжайте в постсоветскую Азию, кое-где там до сих пор держат неплатёжеспособных туристов в таких вот антикварных зинданах. Не Африка, от которой с детства оберегал нас Корней Чуковский, но всё-таки пять раз подумайте, прежде чем...

– Мин сине яратан, выходите к воротам! – напевал Насреддин, в ритме танца отчаянно простукивая лбом непробиваемые стены зиндана. – Хватит спать, Лёва-джан, не хочешь спеть со мной напоследок?

– *Москва! Звонят колокола! Москва! Златые купола! Москва! По золоту икон...* – ещё даже не раскрывая глаз, громко начал мой друг, но вовремя тормознулся. – Что-то я не в ту тему, да?

– О да, мой брат по несчастью. Как-то не очень. Может, на пару споём что-то более мусульманское, одобренное шариатом и угодное Аллаху?

– «Владимирский централ»?!

– И почему меня терзают смутные сомнения...

– Погоди, погоди, дай вспомнить... О! «Учкудук, три колодца! Защити, защити нас от солнца-а!»

– Это про что?

– Про Учкудук.

– А где это забытое Аллахом место?

– Ну где-то тут у вас, в Средней Азии. Чё ты цепляешься, в песне точного Интернет-адреса не было!

– Я не цепляюсь, милейший, только никаких Учкудуков с тремя колодцами вблизи Бухары нет. Тебя кто-то жестоко обманул...

– Точняк! Никогда не доверял этим узкоглазым из ансамбля «Ялла». Что ж спеть такого тюремно-приблатнённого, подходящего по сюжетной линии, а? «То-о не ветер ветку клонит, не дубравушка шуми-и-ит... То моё, моё сердечко стонет, как осенний лист дрожи-ит...»

– Вай мэ, как красиво сказал! Можно запишу? Только мне не на чем и нечем.

– Так запоминай, я повторяю.

После третьего повтора они распевно затянули на два голоса:

– *Извела-а меня-а кручина. Подколотная-а змея-а! Догорай, гори, моя лучи-ина, догорю-у с тобой и я...*

Потом Ходжа так же быстро научил друга жалостливой песне таджичек-мазохисток – «Милый мой, твоя улыбка манит, ранит, об-жи-га-ет...» и нетрезвой киргизской – «Сладострастная отравка – золотая Брич-Мулла...». Причём соучастники спелись так хорошо, что тюремные стражи приподняли решётку зиндана и бесстыже заслушались. А после чуток подредактированного «Ах, Багдад, мой Багдад, ты моя религия-а...» даже вознаградили исполнителей ещё почти свежей лепёшкой, которую поймал Лев, а поделил Ходжа.

Зиндан уже не вызывал у нашего героя такой паники, как в начале его приключений. В конце концов, все говорят, что после первой отсидки второй раз сидеть уже легче, а после шестого залёта из тюрьмы вообще уходить не хочется. Домулло тоже, по сути дела, не раз короновался на нары и, будь иное время, весь ходил бы в наколках. Но в тот день злодейка судьба коварно строила для них более изощрённую ловушку, чем спокойный и тихий зиндан.

Глава шестая

*Молодой гражданин из Багдада
Крал что надо и крал что не надо.
Но всем врал, как ханжа,
Мол, виновен Ходжа!
Вот такой наглый вор из Багдада.
Эдвард Лир, лимерики*

По приказу человека с властным голосом им спустили лестницу (жердь с набитыми ступеньками) и вытащили вон. Друзей ещё раз обшмонали, забрав всё, что могло представлять хоть какую-то ценность, связали руки и под конвоем повели во дворец.

– Ты узнал его? – шёпотом уточнил Насреддин, показывая взглядом на высокую фигуру начальника стражи.

– Нет, а должен? Хоть признаться, рожа и голосок дюже знакомы! Это не он снимался в массовке второй серии «Властелина Колец»?

– Это высокородный господин Шехмет! Глава городской стражи славного Багдада! После того как твой джинн даровал Гаруну аль-Рашиду чувство юмора, тот не оценил заслуг Шехмета и выгнал его со службы за взятки! И угораздило же нас попасть в его когти здесь, в благородной Бухаре, вай мэ...

– Упс... Думаешь, он нас узнал?

– Твою рожу забудешь, Лёва-джан...

– Я не забыл вас и всё слышу! – на ходу обернулся Шехмет. Его профиль казался ещё более похожим на орлиный, смуглая кожа обтягивала скулы, а в чёрной бороде сверкали нити седины. – О голубоглазый вор и подлый возмутитель спокойствия, мне больше не надо искать виновников своего падения. Вы в моих руках! И я не был изгнан со службы, я ушёл сам, ушёл с гордо поднятой головой, уважаемым человеком, с одной лишь целью – найти вас и...

– Я же говорил тебе, – Ходжа пнул коленом Льва, – не надо было орать на весь Багдад, чем ты напоил высокородного господина Шехмета!

– Я... я не пил! – сорвался начальник стражи, едва не бросаясь душить Насреддина. – Низкий лжец, я не пил, я лишь понюхал и сразу всё понял!

– А что вы не пили, уважаемый? – мигом заинтересовались прочие охранники.

– Молча-а-ать!!! – взревел бывший хозяин багдадских улиц, едва только Оболенский попробовал открыть рот. – Ведите их быстрее к эмиру, и если кто ещё хоть слово скажет – клянусь бородой святого Хызра, я сам отрежу тому его лживый язык!

Дальнейшую часть пути, как вы понимаете, болтать никто уже не рисковал. Правда, Лев попытался беззвучной пантомимой за спиной Шехмета поведать стражам помоложе, в чём прикол, но связанные руки существенно ограничивали его возможности. Однако по губам те поняли, что рассказ впереди и правду не скроешь...

Разумеется, двух закоренелых преступников вели задними дворами. Парадный вход во дворец эмира с садами, фонтанами, павлинами, мозаичными бассейнами и дорожками из чистейшего речного песка был не про их честь. Понятно, что такие красоты создавались не для демонстрации их всяким подозрительным личностям, но ни Лев, ни Ходжа в обиде не были. Они оба в своё время насмотрелись и дворцов, и храмов, и крепостей, и просто богатых домов, так что удивить их архитектурными красотами было сложно. К тому же бывший помощник прокурора успел ещё и поколесить по Европе автобусными турами, а в сравнении с Пражским Градом, базиликой Святого Иштвана в Будапеште или собором Святого Марко в

Венеции дворец повелителя Бухары безнадежно проигрывал. Кто видел все объекты своими глазами, не будет со мной спорить...

– Ты привёл их, о храбрый Шехмет? – Откуда-то из закоулка вынырнул низенький толстячок с красным лицом, короткой бородкой, одетый в парчовые одеяния и увенчанный высоченной, на метр к потолку, чалмой индийского шёлка, украшенной здоровенным сапфиром.

– Да, о великий визирь! – Начальник стражи, сдвинув брови, напряжённо кивнул.

– Наш эмир Сулейман аль-Маруф, да продлит Аллах его дни вечно, давно ждёт этих двух беспросветных грешников, смрадных детей гиены и ехидны, плод запретной любви шакала и удода, грешной связи паршивой верблюдицы и пьяного тушканчика, нарушившего в праздник Рамадан законы шариата, тьфу на них!

Вся колонна, начиная с Ходжи и Льва и заканчивая последним стражем, невольно остановилась послушать.

– Тьфу на этих сынов греха, исчадий вони и скверны, отравляющих мир неароматным дыханием из-под хвоста пьяной ослицы и подмышек укуренного кальяном утконоса! Да проклянёт их святой Хызр, ибо шайтан уже вытатуировал их имена на своей непристойной ягодице, обрив её ради такого случая!

– Братаны, никто не догадался записать? – завистливо простонал Лев, и все обречённо развели руками.

Визирь смутился, покраснел, чуть было не поблагодарил за комплимент, но быстро опомнился и широким жестом предложил Оболенскому с Ходжой следовать за ним. Грозный Шехмет скрипнул зубами, увязавшись следом, хоть его и не звали.

Опытный в таких вопросах домумло, как бывший царедворец, мысленно сделал пометочку по этому поводу. И, как оказалось, не напрасно, ибо начальник городской стражи был человеком злобным, жестоким, беспринципным, но прямолинейным, а вот визирь правителя Бухары...

Но не будем ставить арбу впереди осла, а лучше назовём эту историю *«Сказ о хитроумных проделках Багдадского вора, его наивного друга Насреддина-эфенди, об эмире благородной Бухары и его коварнейшем визире лысом Шаряхе»*.

Лично я люблю страшные сказки на ночь, поэтому это кошмарно-лживое повествование, трещащее по всем швам белыми нитками, всё же дослушал до конца. Тем паче что мой восточный гость не допускал ни малейших попыток перебить его уточняющими вопросами.

– Да так не бывает, потому что...

– Но так было, клянусь Аллахом!

– А как же он мог не видеть очевидного...

– Не знаю, но я там был, клянусь Аллахом!

– Так это полный бред, никто не поверит в то, что...

– А ты там был? Поклянись Аллахом!

Разумеется, в конце концов я сдался и только слушал.

Великий эмир Бухары, невысокий стройный мужчина с ухоженной бородой, разделённой надвое и закрученной в колечки, разодетый как на парад, с налакированными ногтями и суровым взглядом, нетерпеливо мерил шагами комнату, ожидая их в покоях для недорогих гостей.

Отдельная комнатка в аскетическом стиле, традиционной восточной роскоши никакой, по углам два нубийца с обнажёнными мечами и лицами, скрытыми маской, дешёвый ковёр на полу и одна большущая муха, важно кружащая под потолком. Ни лишних ушей, ни советчиков, ни свидетелей. То есть атмосфера вполне способствовала диалогу на взаимовыгодных условиях. По крайней мере, практичный герой восточных сказок мигом взял нужный тон...

– Что угодно сиятельному повелителю Бухары от его ничтожных рабов?

– Мы не рабы, – гордо рявкнул коренной москвич, коленом в спину выпрямляя склонившегося в поклоне друга. – Рабы не мы. Рабы немы!

– Э-э, что это? – не понял эмир, и нубийцы, рыча, взмахнули мечами.

– Игра слов. Букварь. Первый класс, – виновато пояснил Оболенский, поднимая руки вверх. – Ничего личного, но на самом-то деле чего от нас надо? Какого... такого... эдакого нас с друганом оторвали от культурного отдыха за бутылкой?

– Позволь, я отрублю ему голову, о владыка мира? – нетерпеливо выставился Шехмет.

– И как я потом буду с ними общаться, с безголовыми?! – ровно уточнил эмир Сулейман аль-Маруф. – Не надо ничего рубить, я хочу просто поговорить с этими достойными людьми.

– Но они ужасные преступники!

– Что ужаснее, их преступления или мой гнев? С кем бы ты, о Шехмет, предпочёл встретиться на узкой горной тропе – с ними или со мной?

– Воистину, ты грозен и велик, мой господин...

– Рад, что ты признаёшь волю Аллаха, возвысившего меня над другими людьми, а теперь уйди. Подожди за дверью.

– Слушаю и повинуюсь. – Начальник стражи зыркнул глазами на Льва с Ходжой, но безропотно исполнил приказ.

– Вы тоже. – По кивку эмира оба нубийца, кланяясь и пятясь, покинули комнату. – А теперь я изволю говорить с вами, и от ваших ответов будет зависеть нить вашей жизни, которую в любой момент могут перерезать по одному мановению моих бровей.

– Эгоцентризм из мужика так и прёт, – тихо вздохнул Оболенский.

– Лёва-джан, не нарывайся, – прикрыл его Ходжа. – Мы и так находимся над пропастью, к чему пытаться ещё и встать на уши на самом краешке?

– Не уловил образности.

– О небо, я говорю, что мы и так в пасти тигра, зачем же ещё дёргать его за...

– За что ты собрался меня дёргать? – невольно заинтересовался эмир, и голубоглазый россиянин поспешил вмешаться, потому что добрый Насреддин тоже не всегда мог сдерживать язык.

– Слушай, Сулейманка или как тебя там по батюшке, Маруфович? Давай ближе к делу. Мы всё понимаем и оцениваем факты адекватно, поздняк метаться, полы покрашены. Остаётся один нерешённый вопрос: почему именно мы?

Великий эмир поднял на Льва взгляд, не лишённый уважения.

– Мы хотим, чтобы вы избавили нас от Хайям-Кара. Молчи, предерзкий врун! – Прежде чем Насреддин успел раскрыть рот, владыка Бухары уже кинулся на него, как беркут. – А то мы не знаем, что ты хочешь сказать?! Нам отлично ведомо, кто вы оба! Тебя, Ходжа Насреддин, прославившегося в Хорезме, Самарканде, Багдаде, Басре и всех известных городах мусульманского мира, знает любой султан, эмир, падишах и даже мелкий бай, если у него есть мозги размером хотя бы с куриное яйцо. Ты возмутитель спокойствия, насмешник над верой, нарушитель законов шариата, смутьян и болтун, толкающий своими преступными речами истинных мусульман на недоверие к властям!

– Ну где-то как-то приблизительно... – виновато покраснел домулло.

– В самую точку, – похлопал его по плечу Лев, – и скажи спасибо, что не в пятую. А на меня какое досье собрали? Имейте в виду, я буду всё отрицать, и фиг вы что докажете без видеоматериалов.

– Ты... о, ты тот самый Багдадский вор, о котором нам писал наш брат Селим ибн Гарун аль-Рашид. Ты, укравший его гарем, победивший Далилу-хитрицу и её дочь, воровавший целые караваны, обманувший стражей трёх городов и неоднократно посрамлявший самого шайтана!

– Ну так себе информашка... – поморщился бывший помощник прокурора. – Как минимум, неполная. Я ещё успел отравить гуля, угнать колесницу святого Хызра, спасти Али-Бабу, подраться с бабкой-ведьмой, навтыкать дедушкам из приюта «слепых» чтецов Корана и...

– Твоё бахвальство так же повсеместно известно, – коротким жестом заткнул его эмир. – Когда нам доложили, что в нашу Бухару прибыл сам Насреддин, мы тотчас велели следить за ним, но не могли и предположить, что вместе с этим пересмешником в наши руки попадёт и легендарный Багдадский вор!

– Типа мы уже были под колпаком?! Ах ты, лошара косоглазая, и сам спалился, и меня сдал! – Лев отодвинул в сторону великого Сулеймана, потянувшись к Ходже с явным намерением отвесить другу леща, но тот без напряжения увернулся.

– Держи себя в руках, почтеннейший. Не можешь всего, так хотя бы какую-то часть...

– Нет, вы слышали, он намекает! Причём непрозрачно намекает, а?!

– Хватит ссориться! – рявкнул владыка, отважно вставая между двумя набычившимися друзьями. – Докажите нам, что вы те, за кого себя выдаёте, и мы даруем вам службу. Но если вы лишь прикрываетесь чужими именами, да падёт на ваши пустые головы наш гнев! А это страшно, клянусь Аллахом...

– Да как не фиг делать, – фыркнул гроза всех честных граждан, возвращая эмиру три его же перстня, дамасский кинжал в золотых ножнах, два жемчужных ожерелья, табакерку из слоновой кости и большой алмаз из серьги, которую Сулейман аль-Маруф носил в левом ухе.

На пару минут властитель Бухары потерял дар речи, лихорадочно запихивая за пазуху собственное имущество.

– О, да ты воистину великий Багдадский вор!

Глава седьмая

*Гарфилду, в отличие от других котов, кроме ума, блещет
ничем...*

Запись в ветеринарной карте

Ходжа уже приготовился рассказать какой-нибудь пошлый народный анекдот в доказательство своей подлинности, но в этот момент в двери настырно постучали.

– Какого иблиса? – конкретно спросил эмир.

– Прости ради аллаха, о владыка мира. – В дверной проём сунулась высокая чалма визиря. – В городе совершено страшное преступление, и этот человек умоляет тебя о правосудии.

– Мы заняты!

– Я так ему и сказал, о гроза Вселенной, но он из общины иудеев, – с нажимом напомнил толстенький Шариях. – А наша казна сейчас... ожидает лучших времён. Те две войны, что мы почти выиграли...

– Мы победили! – взревел владыка Бухары, изо всех сил стараясь выглядеть грозным, как тигр в зоопарке. – Мы вернём им долги! Но пусть в мыслях не держат торопить нашу милость! Так и передай им!

– Слушаю и повинуюсь, мой господин. – Визирь, послушно пятясь, исчез за дверью.

– Шайтан раздери этих иноверцев-ростовщиков!!!

– Взяли кредит под нужды армии, а теперь накапали проценты? – понимающе кивнул Оболенский.

Эмир ребром ладони выразительно полоснул себя по горлу, поясняя, как его достали проклятые кредиторы, и пнул дверь. Чалма подслушивающего визиря отлетела шагов на пять, обнажив розовую плешь с жёлтыми веснушками.

– Аллах да не прощает греющих уши на чужих разговорах, – наставительно отметил домулло, тем не менее помогая подняться второму лицу в эмирате.

Лев тоже проявил посильное участие, вернув ему на голову скособоченную чалму. А сам Сулейман аль-Маруф равнодушно растолкал их в стороны и быстрым шагом направился к стройному еврейскому юноше, стоящему в конце коридора под бдительным оком стражи и самого Шехмета.

– О великий эмир, припадаю к стопам твоим в поиске милости и правосудия! Ибо если не получу его, то свершу должное сам, как учит нас закон Моисеев...

– Ты угрожаешь нам? – Грозный властитель вопросительно изогнул бровь.

– Позволь мне отрубить ему голову!

– Не спеши, о наш благородный Шехмет. Мы выслушаем слова этого горячего юноши, а затем посадим его на кол.

– Надеюсь, это фигуральное выражение? – шёпотом спросил Оболенский, но Ходжа отрицательно покачал головой, типа увы, всё всерьёз...

– Это они! Они, правитель, напали на меня, обманули, ограбили и раздели! Побей этих людей, как Самсон филистимлян, накажи их, как царь Саул наказал...

– Мы имеем другие примеры для подражания и кроме иудейских царей, – холодно перебил эмир. – Но расскажи нам, как именно они обманули тебя.

Обнадёженный ростовщик, шумно возблагодарив пророка Исаяю, так подробно описал всю простенькую аферу Насреддина, что Селим аль-Маруф не смог сдержать вдоха восхищения...

– Воистину, если тот здоровяк – лучший из воров, то этот умник – всем хитрецам хитрец! Они оба достойны своей славы и оба послужат моим делам!

– Ты не накажешь их, о эмир?! Вся община ростовщиков Бухары молит тебя о справедливости.

– Дайте ему десять динаров и пятьдесят палок!

– Соломоново решение! – бодро прокомментировал бывший помощник прокурора. – Надеюсь, приговор окончательный и обжалованию не подлежит? Мы с соучастником на пару послужим легитимному правительству, а ты, курносый...

– Не-э-эт! – Побледневший юноша вдруг выхватил из рукава маленький стеклянный пузырёк. – Да свершится воля ребе и шейха Хайям-Кара!

В один миг он набрал полный рот воды и прыснул, целя в домулло. Каким чудом Ходжа увернулся, неизвестно до сих пор, до Льва брызги не долетели, а вот эмир...

Грянул гром! Под потолком зазмеились молнии! Коридор заволочло дымом! Резкий запах серы и мускуса густо ударил в ноздри, и откуда ни возьмишься раздался душераздирающий ослиный рёв!

Первое, что пришло в голову нашим закашлявшимся героям, так это мысль о нежданно вернувшемся Рабиновиче, но увы... Стоило дыму рассеяться, как все увидели стройного белого ишака, абсолютно не знакомого никому из присутствующих.

– Что это было, неверный?! – взвыл перепуганный Шехмет, правой рукой выдёргивая из ножен кривую саблю, а левой сгребая за воротник молодого ростовщика.

– Не знаю... я не виноват... я не хотел! Я не его хотел, я...

– Где наш великий эмир? – тонким фальцетом, в стиле автосигнализации, взвыл визирь Шариях, почему-то обращаясь к Оболенскому и Ходже. – Куда вы дели нашего пресветлого правителя, о бесчестные дети порока?

– Мы?!!

– Да! Это они! Они во всём виноваты! Я на них прыскал, а они отошли! Они заколдовали эмира-а-а!!!

Лев не мог потом даже вспомнить, кто первым дал дёру. Кажется, именно перепуганный белый ослик. За ним уже махнул Насреддин, а следом, не дожидаясь худшего, и наш Багдадский вор. Ошеломлённая стража преградить дорогу не рискнула, и наши получили минимум три минуты форы, пока вдогонку не полетел истерически верещащий вопль:

– Хватайте их, они колдуны и преступники! Мешок золота тому, кто принесёт их головы!

Собственно, вот из-за этих скоропалительных обещаний погоня и застопорилась. Ибо восточные стражники – люди неторопливые и, по сути, очень неглупые. Поэтому, прежде чем куда-то бежать сломя голову и кого-то ловить, они всегда очень щепетильно уточняют размер обещанной награды. Мешок золота – это очень хорошо! Но вот только какой мешок? Большой или так себе? А сколько в нём помещается золота? Тысяча динаров, две, три, пять тысяч? Меньше или больше? Вопрос принципиальный...

Бедный визирь был вынужден спешно давать максимально точные определения гонорара, и только тогда дворец наполнился топотом спешащих со всех ног стражников! Так что не будь у нашей парочки лопухого проводника, их бы сцапали в считанные минуты. А так белый осёл с выпученными глазами уверенно тащил соучастников через запутанные коридоры, открытые веранды, мимо дворика для прогулок, через заросший розами и тюльпанами сад прямо в...

– Гарем?! – не поверил своему счастью потомок русского дворянства. – Ох как не вовремя-то... Даже если по три минуты на каждую одалиску – больше пяти штук не успею! Давай задержимся, а?

– Лёва-джан, смири своего похотливого шайтана, – на ходу отбрил товарища Насреддин. – Нас сейчас поймают и казнят, а ты опять думаешь не той головой, прости меня аллах...

Сбив по пути двух обалдевших евнухов, друзья дунули через весь корпус по первому этажу, где находилась общая столовая, бассейн и беседка для отдыха. Что они там увидели и с чем столкнулись, лучше даже не пытаться себе представить – можно захлебнуться слюной от зависти. Поэтому ограничимся звуковым сопровождением без визуального ряда...

– Вай мэ, женщины, здесь посторонние мужчины! Поднимайте подол, закрывайте лицо!

– Куда они без меня бегут? Зачем бегут, я же здесь?! Пусть меня с собой возьмут, я уже лет семьдесят не бегала-а...

– Девочки, что-то я не поняла... Если он видит моё лицо, это плохо? А если я прикрываю его подолом, это хорошо? Понятно, только я тут новенькая и сегодня шаровары надеть не успела. Это ничего, да?

– Бабушка Рафиля, опусти подол, ради аллаха! Пусть они лучше видят твоё лицо...

– Подняли-опустили, подняли-опустили... Смотрите, а мужчины уже не бегут, да? Прямолинейный народ, одна извилина и мысли об одном... Ну вот за что мы их таких любим?

В общем, как вы понимаете, если бы ослик не закусил рукав Насреддина, таща его за собой, а тот не волок мёртвой хваткой разлакомившегося Оболенского, их всех троих на этом участке бы и повязали! Особенно опасное было положение, когда они пробегали через беседку с бассейном. Там воды-то было от силы по колено и девушек купалось не больше шести, но это был кратчайший путь к лабиринту из зарослей роз. Что там понадобилось белому ишаку – непонятно, только он потащил друзей через весь бассейн, и смуглые обнажённые красавицы с визгом и хохотом плескали на них водой, одновременно пытаясь целомудренно прикрыть лица. ТОЛЬКО лица! Утащить счастливого Льва из этого малинника было бы почти нереально, если б не донёсшиеся вопли и проклятия с женской стороны по поводу «бесстыжих стражников»...

А это уже совсем иной колленкор восточной сказки. В гарем могут войти многие: сам эмир, его визири, евнухи, рабы, тёщи – матери жён, лекари и садовники, но никак не стражники! Ибо воины суть есть мужчины благородные, активные и правильной ориентации, а значит, представляющие опасность для нравственности и искушение для девичьей чести. Тоже, знаете ли, штука зыбкая и надуманная, но на Востоке к таким вещам традиционно относятся серьёзно. Поэтому ступить на территорию гарема стражник может лишь в минуту крайней (самой крайней, крайнее некуда!) опасности и непременно с закрытыми глазами. То есть самим стражникам оно уже по-любому выходило боком, но зато хоть как-то оживляло будни девушек, охотно подставлявших подножки и тазы с водой...

Лев с Ходжой спешно ускорили шаг, пока не стукнулись лбами в массивную крепостную стену, опоясывающую дворец эмира. Осёл коротко хохотнул, ударил копытами по какому-то выступу, и часть стены отъехала в сторону, образуя секретный проход. Пару минут спустя троица успешно скрылась на остывающих улицах вечерней Бухары...

Полуденный зной давно отступил, шумный базар затих, люди неспешно расходились по домам, довольные удачной покупкой или успешной продажей. Как говорят на Востоке, с разных сторон прилавка стоят два глупца – один продаёт, другой покупает.

Кто проиграл, кто выиграл в торге, не понять никогда. Самому прожжённому купцу доводится отдать товар за фальшивую монету, и самому привередливому покупателю сумеют всучить уличную пыль под тонким слоем молотого перца. Здесь умудряются продать верблюда, чудом не откинувшего грабли от старости, расплатиться за него позолоченной медью, а наутро скандалить, требуя назад полновесные динары и ведя на обмен верблюда, который окончательно сдохнет, ещё не дойдя до базара, и сразу начнёт пахнуть! Но главное,

что винить некого, никто ни на кого не в обиде, вот так покричали и разошлись. Ибо базар – сердце торговой Бухары, а зачем зря травмировать сердце ради презренных денег или дохлого верблюда...

Все мы люди, все всё понимаем, правда?

Глава восьмая

Если после двухмесячного одиночного плавания с вами начал говорить Бог, диктуя вслух утраченные главы Библии, а вы уже почти убедили его разбавить философию каплейкой экшена, чтоб было веселее, – это не страшно. Страшно, что спасатели опять нагрянут не вовремя и священные тексты вновь окажутся неизвестными людям...

Из путевых блокнотов Фёдора Конюхова

Пока напарники шли к оставленному на постой у чайханы верному Рабиновичу, наконец-то выровнявший дыхание русский дворянин потребовал полных объяснений от своего нерусского друга:

– Ходжуля, я всё прощу, но скажи мне правду, не скрывая самого страшного... Я сильный, я переживу и это, а ложь губит самые светлые чувства и душевные порывы! Короче, колись: во что мы вляпались?

– В двух словах этого не скажешь, уважаемый...

– Пора валить в Мексику?

– Не знаю, где это, но уверен, что люди Хайям-Кара достанут нас и там.

– Кончай запугивать, расскажи толком, что это за местный Фредди Крюгер?

– Абдрахим Хайям-Кар пришёл к нам из Египта. Говорят, его обучали бессмертные маги Магриба и Коптоса, – опустив голову, начал домулло, стараясь, чтобы голос его звучал как можно тише и не привлекал внимания прохожих. – А ещё говорят, что он уходил в пустыню, и там на него снизошло откровение. Голос свыше сказал ему...

– Вау, голос в пустыне? Глюкануло мужика неслабо...

– Не перебивай, о невежливый и поспешный в суждениях и мыслях, словно тушканчик, прыгающий по барханам, – вздохнул Насреддин, потрепав по белой гриве новоприобретённого ослика, тоже с интересом прислушивающегося к разговору. – Голос даровал ему тайные знания, умение управлять людьми, красноречие, подобное шайтану, и сомневающиеся пошли за ним. Воистину говорят, он творил чудеса, неподвластные человеческому разуму...

– Карточные фокусы? Кролик из шляпы? Заставлял исчезнуть статую Свободы или составы с удовольствием?

– Никто не заметил, как за Хайям-Каром пошли толпы паломников, внимающих ему, словно последнему пророку. А ведь Мухаммед сказал, что после него пророков не будет! Но шейх Хайям-Кар как-то умудряется смущать неокрепшие умы мусульман и ведёт их к ему одному видимой цели. «Я сам молюсь за вас и поведаю о вашей преданности Аллаху!»

– Это типа чтобы никто не обращался к Всевышнему напрямую, минуя его посредничество? Дельно. Традиционная сектантская схемка, пошлая, но обычно срабатывает.

– А ныне Абдрахим Хайям-Кар – великий шейх, поборник истинной веры, щит ислама. За чёрной полосой шёлка на его чалме уже сейчас следуют тысячи всадников от Сирии до Ирана. Преданных, безжалостных, слепых в своей вере! И он хочет установить новый порядок...

– Дальше можешь не объяснять. – Глубокомысленно хмыкнув, Лев хлопнул ослика по крупу. – Козе понятно, что этот аферист ухитрился завести кучу полезных связей, действует подкупам и запугиванием, недовольные исчезают, а несогласные быстро переходят в стан созерцательного непротивления. У нас после перестройки тоже такое было, болезнь роста. Скажи лучше, куда делся эмир и чего мы, собственно, так поспешно слиняли? Он вроде явно собирался нас отмазать...

– Вай мэ, какой хороший ишак! – неожиданно раздался голос. Толстый купец помахивал ладонью из-за забора за их спинами. – Вы, наверное, не продали его на базаре?

– А что, есть живой интерес к домашнему скоту?

– Э-э?! – краснея, застопорился толстячок, и Лев царственно улыбнулся:

– Шутка! Хочешь купить осла? Бери, дёшево отдадим, всего за...

– Он не продаётся, – сухо буркнул Насреддин, оттаскивая за рукав друга.

– Я дам двести таньга!

– Простите, почтеннейший, он не продаётся.

– Триста таньга. Четыреста! Моя четвёртая жена хотела именно белого, именно такого, высокого, красивого, с кротким нравом.

Ослик сделал три шага вперёд, встал на задние ноги, опёрся копытцами о забор и так заорал прямо в лицо торговцу, что тот рухнул навзничь!

– Я... оглох! Ничего не слышу... ничего... Да будет проклят этот подлый шайтан в белой шкуре!

– Братаны, – развёл руками Оболенский, – я, конечно, блондин, но не настолько же. Что происходит, а?!

– Ты и вправду не понимаешь, Лёва-джан? Наверное, тебе не читали сказок в детстве...

– «Колобок», «Куручка Ряба», «Иван-царевич и серый волк»... Да я каких только сказок не знаю!

– Эту точно не знаешь...

Мы все прекрасно понимаем, что мой друг отнюдь не был кладезем мудрости и всех добродетелей. Я не наговариваю на него, но и не вижу особых причин изображать из него супермена. Лев, несомненно, был героем! Сильным, красивым, отважным и благородным, как царь зверей, именем которого его назвали. Меж тем, честно скажу, если бы на Восток попал я, то вся история Багдадского вора пошла бы совсем по иной сюжетной линии. Уж поверьте, шарить по чужим карманам мне было бы не слишком интересно...

Меч – вот истинное оружие перемещенца по мирам! Горячий конь, рыцарский стяг Локхайма над головой, верные друзья, скачущие слева и справа, рёв боевого дракона и долгий взгляд любимой... Вот это жизнь, это литература, это счастье! А бродить по пыльным дорогам в компании пройдохи и афериста, трясущегося рядом на усталом ослике, когда за тобой вечно кто-то гонится, перспектив карьерного роста ноль, а в голове одна мысль – как бы отметиться в очередном чужом гареме, – это, знаете ли...

Не слушайте меня, я ему просто завидовал.

– Спице, жители благородной Бухары, всё спокойно! Спице сейчас, ибо завтра Аллах дарует вам новый день и новые заботы. Спице, жители Бухары, всё будет завтра!

И старый город спал, огни были давно потушены, люди жили по законам природы и шариата, объясняя все удачи волей Всевышнего, а все потери – происками шайтана. Но на этот раз враг рода человеческого не спешил сунуть свой сопливый нос в человеческие дела, он лишь сидел на краю крыши постоялого двора, свесив вниз похабные ножки с раздвоенными копытцами. Казалось, ему было куда более интересно, а что же происходит там, в самом дальнем углу, где двое мужчин, рискуя жизнью, разнимали двух ослов...

– Лёва-джан, тащи его за хвост!

– Сам тащи, он знаешь куда ляга-а-а... Упс, попал, мамочка-а...

– Ничего, уважаемый, у тебя уже есть дети.

Рабинович изо всех сил рвался на крутые, чисто пацанские, разборки с белым чужаком, претендующим на половину его стойла.

– Я прикрыл его, прикрыл, не позволяя ему... ай! ай! ай! Да прекрати кусаться, о свет очей моих, я же потом сесть не смогу!

– Он думает, что сзади ты вкуснее. Хорошо у Рабиновича рогов нет, а то мог бы...

– Не давай ему советов, уважаемый! Всё, теперь он долбит меня твёрдым лбом в ранимый копчик...

Надо отдать должное белому ослу: он тоже труса не праздновал и, видимо, драться умел. Пока двое напарников, пыхтя, отпихивали от него гневного собрата, он раздувал ноздри, возмущённо фыркал и наконец, не выдержав, кинулся вперёд! От предательского нападения Лев и Ходжа разлетелись в разные стороны, а два ослика встали нос к носу, как два рыцаря на турнире!

– Он его уьёт, или покусает, или даст по ушам, или оставит без наследства, или... Во всех случаях вай мэ-э-э!

– погоди, братан, дай им шанс. У нас с тобой тоже не всё сразу завязалось...

– Ты помнишь это, о мой луноликий друг? И я помню тот волшебный миг, когда ты меня грязно подставил!

– Я тебя?! Да ты первый сдал меня страже! Я тебе давно хотел врезать за тот случай, когда...

Прекращая бессмысленный спор, домулло поднял свалившуюся тюбетейку Оболенского, отряхнул от соломинок и сунул другу в рот, прикладывая палец к губам. Лев на автомате сжал челюсти, чуть не подавился, но смолк. Прямо на их глазах яростно оскаливший почти лошадиные зубы Рабинович вдруг охнул, прижал уши и рухнул, подогнув колени, распластавшись в позе молящегося! Его белый противник гордо выгнул грудь, фыркнул для острастки и спокойно отвернулся к яслям с ячменём.

– Теперь поверил, почтеннейший?

– Я ничего не... Он же осёл?!

– Осёл ты, о мой недоверчивый друг, а он – эмир!

Льву ничего не оставалось, кроме как принять очевидное. К его чести надо признать, что он всегда умел осознавать поражение в честном поединке и в большинстве случаев далее извинялся, если был неправ. Просто в тот момент он себя неправым не считал.

– И типа вот чё? Тот несчастный паренёк с пейсами получил заколдованную воду в пузырьёчке, заряжённую главным ребе по методу Алана Чумака. Набрал в рот, прыснул на объект, и хип-хоп, чуфыр-чуфыр – одним ишаком-аристократом в мире больше! Увеличение поголовья домашнего скота вряд ли являлось главной целью, не так ли? Тем более что в деле каким-то боком замешан местный пророк домашнего разлива с уголовной кличкой Хайям-Кар! Я внятно излагаю проблему?

– В целом да... Но сам стиль твоего повествования ужасен.

– Попробую повторить, – честно повiniлся бывший помощник прокурора. – Как не каждое зерно пшеницы прорастает колосом, так и не каждое слово мудреца даёт всходы в душе невнимательного слушателя. Любая мудрость подобна жемчужине, но, чтобы добыть её, пловцу приходится опуститься в глубины безбрежного океана людской глупости. Готов ли ты принять истину из первых уст, словно птенец орла, которого кормит клювом гордая орлица, сидя на вершине столь высокой горы, что сам Аллах отдыхал там от праведных дел и...

– Так, всё, почтеннейший, подобную лабуду можно гнать часами, пока твой язык не покроется мозолями, – сдаваясь, поднял руки Ходжа. – Чего ты хочешь от меня услышать?

– Приблизительный план дальнейших действий.

– Нам должно спасти эмира Сулеймана аль-Маруфа, вернуть Бухаре законного правителя и по его просьбе остановить Хайям-Кара!

– Хм... я так понял, что это вроде бы невозможно. То есть, по крайней мере, тут нужен не вор, а герой.

– Невозможно? От тебя ли я слышу это, Лёва-джан?

– Да, я тоже не всемогущ, – вынужденно отступил бывший помощник прокурора. – И кстати, что там за невнятный шум внизу?

Глава девятая

*Интересно, как сложилась бы сказка, подари бабушка внучке не красную шапочку, а голубой беретик?
Дискавери, передача о защите прав животных*

Будь мой друг сейчас в Москве, ему бы и в голову не взбрело задавать подобные вопросы. Ведь если в столице вы посреди ночи слышите крики, вой сирен, звуки выстрелов – разве хоть кто-то откроет дверь, выйдет в подъезд, вызовет милицию-полицию? Ха-ха! Мне не смешно, а вам?

Совсем иное дело средневековая Бухара. В этом красивом городе было шесть караван-сараев, восемь постоянных дворов и ещё десятка два разных дорогих и дешёвых гостиничных заведений типа чайханы, где позволялось ночевать тем, кто готов уплатить хоть одну таньга за общее место под навесом во дворе. Крепко запирались ворота, выпускали сторожевых псов, тех самых азиатских овчарок, из-за которых и в туалет не выйдешь, терпи до утра. Но ведь самое трогательное, случись что, хотя бы маленький шум или неожиданный вскрик кого-то из правоверных, кому приснился страшный сон, так на ноги сразу встанут все!

– Что там за байда?

– Лёва-джан, насколько я понимаю, слугам шейха Хайям-Кара приспичило проверить постоянный двор: а не скрываются ли здесь враги Аллаха? И я даже вроде знаю, кого именно они подразумевают под этим словосочетанием...

– Линяем?

– С двумя ослами нам не уйти, – задумчиво поскрёб бороду Насреддин. – В принципе, пока доберутся к нам сюда, мы ещё раз десять успеем удрать, но...

– И я о том же, – глубокомысленно покивал Оболенский, чтобы хоть что-то сказать.

Они по-прежнему скрывались на прогретой за день крыше, а внизу, во дворе, уже вовсю сутились люди в чёрном, по крайней мере, с чёрными повязками на чалме или рукавах. Они вежливо, но уверенно расталкивали спящих, переворачивали тюки, лезли во все щели и, ничего не объясняя, искали, искали, искали...

– Сп...сисите, мня, право...воверные мусульм...не! – На крышу с трудом влез совершеннейше пьяный тип, лысый как пятка, с бегающими глазами и коричневым родимым пятном вполлица.

– Братан, глянь, какая синявка припёрлась. А говорил, будто бы Аллах запрещает алкоголь...

– Днём з...щает, а ночью – не видит, – охотно пояснил лысый, вытягивая вслед за собой здоровущий пыльный ковёр. – Эт-ти... шайтан их в... или они шайт...тана, неважно, мне б...без разницы. Помогите правоверному, а?

– Да, развезло мужика, – с чисто русской смесью сочувствия, зависти и одобрения пробурчал бывший москвич. – Ходжа, чё ты там застрял? Мы ни в чём не виноваты, у них против нас ничего нет, справедливость восторжествует и...

– Справедливость! – язвительно приподнял палец домулло. – Хорошее слово, но такое редкое, кади наверняка о нём даже не подозревает. Иногда мне кажется, что судьям такие слова просто не знакомы.

– Или запрещены по занимаемой должности, – поддакнул Лев, втянул мужика вместе с ковром на крышу и рукавом вытер ему слёзы. – Только не реви, гастарбайтер, что случилось-то?

– Вай мэ, как не плакать? Они заб...берут меня... поругают нехорош...шими словами, а потом отрубят...

– Голову?

– Ай, зачем так шутишь?! – ужаснулся пьяница. – Руки м...мне отрубят, я эт... тот вот... потому что украл...

– Вот это барахло?! – не поверил Лев. – По-моему, хозяин только спасибо сказать должен за то, что ты избавил его от хлама. Им, похоже, даже моль побрезговала.

– Вах, ты, видно, чужзем...ц в наших краях! Я сам украл! Не пр...просто ковёр... эт... сам очучан-палас!

– И что это за абракадабра?

– Лёва-джан, – вдруг резко перебил его Насреддин, – как это ты выражаешься? Захлопни варежку и свали на мусор, ради аллаха! Проведай Рабиновича и... нового осла. Укради что-нибудь, хоть горсть изюма, съешь там же на месте, но позволь мне самому переговорить с нашим уважаемым нетрезвым другом.

– Куп...пите у меня ковёр! Я тогда н...не буду больше плакать и эти... которые в чёрном...

– Ходжуля, ты серьёзно? – прекрасно понимая, что его друг что-то задумал, уточнил ведущий вор Багдада и сопредельных городов.

Домулло кивнул. Оболенский бодренько сбегал вниз, убедился, что кольцо слуг Хайям-Кара неуклонно сжимается, бежать некуда, чисто для профилактики обшарил двух зазевавшихся бородачей в чёрных чалмах, стал богаче на семь таньга и один динар, после чего быстренько вернулся на крышу, затащив с собой и лестницу. То, что мой друг увидел по возвращении, мягко говоря, повергло его в шок. Ходжа Насреддин, милейший человек, добрейшая душа, герой баек и анекдотов, сидел сверху на бедном пьянице, профессионально связывая ему руки за спиной его же поясом. В качестве кляпа был использован собственный чужак несчастного.

– Не-э, я помню, слышал, что на Востоке сурово обходятся с нарушителями заповедей Корана, но чтоб вот так... Тебе в вытрезвителе работать не предлагали?

– Это шпион чёрного шейха, о мой недогадливый друг! А сейчас я прямо ему в ухо назову его паршивым шакалом, верблюжьим помётом и ещё чем-нибудь немусульманским из твоего лексикона. Подскажешь?

– Мордосвин откормленный подойдёт?

– А что это?

– Ходжа, мать твою, вот я прямо сейчас буду тебе всё объяснять?!

– Да, да, прости, уважаемый и чтящий мою маму, – опомнился Насреддин. – У нас мало времени, садись, я тебе всё расскажу по дороге. Ты летал когда-нибудь?

Лев, разумеется, не единожды мотался самолётами Аэрофлота и десятка других авиакомпаний у нас в стране и за рубежом. Но что-то подсказывало ему, что домулло имел в виду иные летательные аппараты. Люк на крышу вздрогнул от тяжёлого удара снизу. Добрались...

– Пообороняем цитадель под утомлённым солнцем?

– У тебя две минуты, почтеннейший, – не оборачиваясь, нервно хохотнул Ходжа. – Сделай то, до чего у меня не доходят руки.

– Легко. Только ногой.

– Да ради аллаха!

Оболенский с наслаждением расправил плечи, потянулся, как большой кот, и одним аккуратным пинком оттолкнул с левого края крыши лестницу с тремя мужчинами в чёрном. Они так смешно нагнулись, что во дворе сразу стало заметно веселее. По крайней мере, молчаливые преследователи невольно помянули голубоглазого шайтана и, собрав своих, уже кучно пошли на штурм. Никаких боевых кличей, никакого оружия. Только злые глаза да плотно стиснутые зубы.

– Ну что, агрессоры, продолжаем нарываться, да? Ладно, вам же хуже... А кто меня за одно яблоко всей толпой отбуцкал? Не помните, не слышали, не участвовали, знать не знаете?! А если – по сопатке, по сопатке, по сопатке...

Ходжа меж тем развернул пыльный ковёр, четыре раза чихнул и уселся сверху, скрестив ноги.

– Эй, соучастник! – крикнул уже изрядно запыхавшийся русский дворянин. – Я уже забодался их бодать! Каков твой секретный план по нашему сваливанию?

– Запрыгивай, почтеннейший, – меланхолично откликнулся Ходжа, парящий на старом ковре в четырёх шагах от крыши.

Лев настолько удивился, что впал в тихий столбняк, за что и был через минуту атакован адептами шейха Хайям-Кара. Его почти завалили... В общем, если бы не медвежья сила моего друга, наше повествование могло тут и закончиться. Ну не совсем тут, на крыше, а утром у кади, на «коврике крови», под суровой рукой палача.

– Да чтоб вам всем леди Гага в протухшем мясном платье приснилась! – взревел Оболенский, выпрямляясь во весь свой двухметровый рост.

Маленькие бодрые азиаты посыпались с его плеч.

– Ия-а-оу-у-а-оу-а-я-а!!! – изо всех сил пародируя Тарзана (того, который из джунглей, а не из стриптиза), наш герой в длинном прыжке обрушился на плечи друга. Ковёр заметно подвис, но спокойно выдержал двойную ношу.

Дав круг почёта над подпрыгивающими адептами «истинной» веры, очучан-палас легко унёс друзей на другой конец Бухары. Домулло с трудом уговорил друга не плеваться сверху, это не по-мусульмански...

Утром мне пришлось махнуть в центр по делам. Мой восточный гость не пожелал составить мне компанию, но сказал, что охотно подождёт у подъезда, у нас там небольшой садик, а ему надо чаще дышать свежим воздухом. В принципе он и так постоянно уходил на прогулки по району, с кем-то общался, где-то гулял, но всегда возвращался до заката, не заставляя меня особо волноваться. Хотя я, конечно, всё равно за него переживал. Во-первых, человек в чужом городе, во-вторых, в чужом времени, в-третьих, деньги он у меня брать отказывался категорически, а без денег в современной России сами знаете...

– Андрей Олегович? – сухо поинтересовались в десять ночи два молодых полицейских, постучавшись в мою дверь.

– Да, а что собств... – Вопрос отпал сам собой, когда я понял, кого они привели.

Домулло, печальный и потерянный, стоял за их спинами, красный, как украинская дивчина на Тверской.

– Знаете этого гражданина?

– Знаю. Это... э-э... мой... дальний родственник Ходжа Болтанович Насреддинов. Очень дальний. Из Средней Азии. У него вчера паспорт украли, я вот как раз писал заявление на выдачу нового.

– А почему он в таком виде?

– В каком таком? Это их национальный костюм, они поддерживают старые традиции, не то что мы. А вы что-то имеете против демократических преобразований и развития национальных культур малых народов наших сопредельных государств?

Парни в погонах подумали и решили, что нет.

– Забирайте его. Насчёт паспорта мы проверим.

– Спасибо! Удачи, ребята. – Я быстро впихнул Насреддина в прихожую.

– А это... ну... извините, а вот «Тайный сыск» правда вы написали?

– Правда.

После чего мне пришлось подписать в подарок две книги с собственной полки. Конфликтная ситуация была окончательно исчерпана, а я вынужденно осчастливил двух свежеспечённых полицаев сказкой про милицию.

– Вай мэ, – тихо вздохнул домулло в ответ на мой укоризненный взгляд. – Я лишь хотел немного заработать, уважаемый. Стыдно, но только ты угощаешь меня пловом...

– К этому мы ещё вернёмся, – пообещал я. – А теперь за стол и рассказывай, что было дальше! Ну когда вы улетели на ковре-самолёте. Или как это по-вашему, на очучан-паласе...

Глава десятая

Ложная клятва – праздник души моей!
Шайтан порочный, натуральный, made in Araviya

Полёт над ночной Бухарой был сказочно восхитителен и освежающ! Лев лёг на спину, закинул руки за голову и, в наслаждении подставив лицо лёгкому ветру, умиротворённо устался в сияющее небо. Он лежал, глядя глаза в глаза звёздам, и они изумлённо любовались своим отражением. Их длинные посеребрённые ресницы легко достигали земли, нежно и осторожно лаская спящий мир. Ведь даже те звёзды, что умерли миллионы лет назад, всё ещё отдавали свой свет людям, как бесценный дар и напоминание о кратковременности нашего бытия. Но человек так редко благодарит звёзды, считая их лишь холодными игрушками. И очень немногие способны почувствовать душу звезды...

– Мы приехали, Лёва-джан. Теперь можешь задавать свои глупые вопросы, ибо жирный верблюд твоей лености уже давно уснул в грязи невнимания, так и не добравшись до оазиса здравого смысла. Кажется, так ты выражаешься, когда хочешь быть похожим на дедушку?

– Поэта обидеть легко, – беззлобно хмыкнул Лев. – Не буду я ничего у тебя спрашивать, сам расскажешь, если невтерпёж.

– Кому? Мне? О невежественный?! Да я могу молчать хоть три дня, клянусь Аллахом! Не дождёшься! Всё, молчу! Вай мэ, как ты мог такое сказать... и кому? Мне, своему единственному и лучшему другу! Ты сразил меня в самое сердце, уязвил печень и заставил взволноваться желчь. Тебе должно быть стыдно, из-за тебя я дал страшную клятву, которую намерен нарушить... Но Аллах милосерден, быть может, он не слишком рассердится на горячие слова правоверного мусульманина, искушённого шайтаном гордыни, но искренне раскаивающегося! Короче, дело было так...

Если кто ещё не в курсе, то Насреддин краткостью фраз отличался лишь в афоризмах, а в беседах и устно-повествовательном жанре был многословен до заплетания языка от усталости. Поэтому весь его рассказ я приводить не буду, ограничимся кратким синопсисом недавних событий.

Надо ли объяснять дотошному читателю, как домулло догадался, что перед ним шпион и провокатор, лишь прикидывающийся честным пьяницей? Ведь у-у-умный читатель и так всё знает заранее, его не обманешь и на фуфле не проведёшь...

Надо ли разжёвывать, какой пыткой при помощи куриного пёрышка и одной гнутой таньга выяснил у перепуганного пленника, как управлять ковром-самолётом? Опытные знатоки фантастики просекли эту фишку ещё до того, как я о ней написал. Видите, и эти объяснения излишни.

И уж наверняка, тем более никого и близко не удивишь той простенькой интригой, ради которой нашим героям подсунили настоящий волшебный ковёр из сокровищницы эмира Сулеймана аль-Маруфа, того самого, что пребывает в данный момент в одном стойле с серым Рабиновичем, сонно треская ячмень и вздрагивая чуткими ушами. То есть все знали всё, и только одному Оболенскому, как литературному герою, а не читателю, приходилось растолковывать такие очевидные вещи...

– Коварный Хайям-Кар просто подставил нас, о мой недогадливый друг. Ибо, купив у «пьяницы» ковёр владыки Бухары, мы бы нарушили сразу две заповеди Корана: поощрили бы оступившегося мусульманина в грехе пьянства, толкнувшего его на путь воровства, и, самое страшное, ни разу не воззвали бы к его совести, пристыдив именем Аллаха, Гос-

пода миров, Всевидящего и Всезнающего! После такого от нас отвернулась бы не только вся Бухара, но и Багдад, и Самарканд, и Басра, и Фергана, и Ашхабад, и Бишкек, и...

– Главное, что Москва не отвернётся, ей оно фиолетово, – утомясь перечислением, откровенно зевнул Оболенский. – Но что-то я сути не улавливаю, ведь ковёр-то всё равно у нас. То есть мы прокляты по-любому?

– Э нет, уважаемый, – довольно прищёлкнул языком хитрый домулло. – Грех кражи менее наказуем, чем грех скупки краденого! Тем более если мы наказали продавца за пьянство, связав его, дав по шее и отобрав у него дивный очучан-палас лишь для того, чтобы вернуть его законному владельцу.

– В смысле ослу?

– Не цепляйся к мелочам, эмиру! Пока ещё мало кто в курсе, что правителя города обратили в домашнее животное. Но это не значит, что ему нельзя вернуть его же имущество.

– Я ничего не понимаю в ваших мусульманских штучках, – честно признался Лев.

– Восток – дело тонкое...

– Не грузи банальностями из «Белого солнца пустыни». Что конкретно делать-то будем?

– Ноги! – доходчиво заключил Ходжа. – Но сначала ты, о величайший из воров, вернёшься обратно и доставишь мне моего осла!

– Рабинович мой осёл...

– А ты поедешь на эмире!

Начавший было возмущаться Лев тут же захлопнул пасть. Прокатиться верхом на главе государства? Эхма, да разве какой нормальный россиянин упустит такой шанс?!

Оболенский расчесал пятернёй упрямые кудри и скромно попросил:

– Подбросишь поближе к месту дислокации моего будущего транспортного средства?

Насреддин великодушно кивнул.

– И вот это переложу пока к себе. – Бывший помощник прокурора достал из-за пазухи маленький кинжал с золотой рукояткой, принадлежащий Шехмету, и большущий сапфир, ещё недавно украшавший чалму великого визиря.

– В принципе там ещё много чего можно было натереть, но я подумал, чего со всем барахлом таскаться... Успеешь растаможить, пока не хватились?

– Есть идея получше, о мой вороватый друг...

Здесь наши герои расстаются, и поэтому нам придётся проследить эпопею каждого в отдельности. Пишу со слов домулло, так что на этот раз все претензии к нему. А Лев Оболенский прыгнул с низко летящего ковра примерно в квартале от намеченной цели, удачно приземлившись на соломенную крышу чьего-то курятника. Удача заключалась в том, что он успел отряхнуться, встать, помахать исчезнувшему в небе товарищу... и в этот момент удача неожиданно обзавелась приставкой «не». То есть первого же шага рослого россиянина солома уже не выдержала. Лев рухнул вниз, больно ушиб ключицу, перепугал курей, получил клювом от петуха, дал ему сдачи по гребешку, раздавил в темноте несколько яиц и вышел из курятника в таком виде, что выскочившие на шум хозяева предпочли нырнуть обратно:

– Ай, шайтан! Воистину шайтан, спаси нас, Аллах!

– Пардон, правоверные, ничего личного, случайный форс-мажор. Надеюсь, недвижимость застрахована?

Так и не дождавшись ответа, наше чудо в перьях, желтке, скорлупе и соломе продолжило путь грабежа и разрушений, сослепу выбив лбом две доски в хлипком заборе. Настроения ему это не прибавило, но неожиданно натолкнуло на идею.

«Украсть двух ослов с постоянного двора, по которому до сих пор наверняка шастают надутые на меня фанаты шейха Хайям-как-его-неважно... в принципе несложный вопрос. Сложно будет оттуда выбраться без настырных провожатых. Но, с другой стороны, я ведь тут,

на Востоке, вроде уже как в третий раз? Значит, пора хотя бы для разнообразия попробовать действовать и головой... Итак, для успешного проведения плановой операции мне нужен один конкретно взятый шайтан и красивая зелёная тряпочка с буквами. Не помню, но где-то ведь я такую видел, а?»

После короткого размышления, сопряжённого с бесполезным битьём себя по макушке, мой друг сдался, признав, что память начинает подводить, хотя и до склероза ещё тоже далеко. «Ладно, – решил он, – тогда начнём с простого, с того же шайтана, например...»

– Шайта-ан! – негромко, но с чувством пропел Лев. – Ты меня знаешь, лучше сам подойди, а то хуже будет. Я тебя предупредил, чтоб потом в Страсбург и не жаловался!

Общеизвестно, что враг рода человеческого является не только по громкой просьбе, но и даже самой мысли о нём бывает достаточно, чтобы ощутить запах серы и гнили. И хотя надо признать, что в прошлый раз нечистый изрядно нахлебался от тяжёлой руки Оболенского, удержаться от отклика на зов он не сумел. Собственно, как и всегда, и как всегда на свою рогатую голову...

– Э, ты звал меня, голубоглазый урус? Зачем, э-э... звал? Мне с тобой тут нечего... э-э... долго болтать, у меня своих дел... э-э... полно, да!

– Да не трусь, пархатый, – милостиво ухмыльнулся Лёва-джан. – Бить не буду, срамить тоже. Не подкажешь, где тут поблизости можно спереть такую зелёную чалму, которую дают после экскурсии по религиозным местам?

– Ты говоришь о святом паломничестве в Мекку?! – Шайтан от раздражения перекувырнулся в воздухе и сам себе выдрал клочок рыжей шерсти с пошлого хвоста. – Воистину, когда мусульманин совершает хадж, он... э-э... имеет право носить на чалме зелёную ткань с сурой из... э-э... Корана.

– Вот-вот, самое оно!

– Ты хочешь, э-э... украсть этот символ? Но... э-э... зачем, да?

– Надо, – уклончиво ответил россиянин. – Ну так что, толкнёшь меня на жуткое преступление, указав пальчиком, в каком доме такая есть?

– Ты, не наш человек, хочешь... э-э... чтоб я сам направил твои стопы на путь греха?!

– Я давно на нём стою. Так что не томи, милашка, толкай меня смело...

Всё ещё не верящий такому счастью, шайтан обошёл вокруг Оболенского, принялся, зачем-то лизнул своё же копытце, почесал меж рогов и вдруг, решившись, бодро процокал по направлению к тому же постоялому двору и ткнул грязным когтем в отдельно стоящий домик.

Эту волшебную историю следовало бы назвать примерно так: *«Сказка об изворотливом Багдадском воре, глупом, но свирепом шайтане, толпе неправедных мусульман и двух ослах – сером и белом...»* Да, не думайте, будто я забыл о том, что сейчас идёт «сказка об эмире». Но ведь всё это, как мне объяснил Насреддин, сводится к чисто восточной литературной традиции – вплетать историю в историю, одну в другую, как в знаменитой книге «Тысяча и одна ночь».

У них там так принято, и Ходжа ни в какую не хотел соблюдать удобную мне линейность сюжета. Я сначала спорил, потом решил схитрить, типа выслушаю, как он говорит, но запишу так, как мне надо. А потом махнул рукой и оставил всё как есть. В конце концов, пусть будет как было, продолжим...

Глава одиннадцатая

Если первым Творцом был Господь Бог, то первым критиком, несомненно, дьявол. Так вот по чьим стопам идут современные литературные критики...

Артур Конан Дойл, частная переписка

Читать по-арабски Лев, разумеется, не мог. Джинн снабдил его знанием языка, но вполне возможно, что и сам был неграмотным. Поэтому на витиеватую табличку, смутно различимую в темноте и подтверждающую, что здесь живёт мулла, наш соотечественник не обратил никакого внимания.

– Иди, э-э... грабь, воруй, кради, – подло хихикая, напутствовал его шайтан. – Зелёная чалма... э-э... со словами из Корана находится в этом доме.

– О'кей! Только ты пока не убегай, мне потом пару вьючных животных с постоянного двора увести надо. Подтолкнёшь?

– Толкать на грех... э-э... моя святая обязанность! – важно подтвердил нечистый, смущённо чихнул и присел на корточки у порога.

Разумеется, Оболенский ни на грош не доверял ушлому искусителю правоверных, поэтому имел свой чёткий и хорошо продуманный план действий. Он легко перемахнул через забор, на цыпочках прошёл мимо двух дремлющих сторожевых псов, влез через окно в дом, каким-то седьмым чувством нашёл спящего на полу старика и без малейших угрызений совести стибрил лежащую рядом белую чалму с полосой зелёной ткани. Подумав, чалму вернул на место, а полосу забрал себе. Тем же макаром вернулся во двор, чтобы застать коварного шайтана на месте преступления. Тот как раз встал на задние лапки между двух спящих азиатских овчарок...

– Тсс, – приложив палец к губам, прошипел Лев. – Разбудишь же, идиот!

– Вах, глупый... э-э... человек! Я и хочу их разбудить, чтоб они тебя... э-э... съели!

– А-а, понял, тогда не мешаю, валяй.

Шайтан ловко дёрнул за хвост одного пса и больно наступил на лапу другому. Нечистый дух гордо обернулся к Оболенскому, но там, где только что стоял бывший помощник прокурора, лишь клубилась пыль...

– Я тебя за воротами подожду, договорились?

Шайтан автоматически кивнул далёкому голосу и вдруг резко понял, что он стоит нос к носу с двумя рычащими кобелями.

– Э-э... хорошие пёсики?

Глупый вопрос. Бессмысленная смерть. Нет, понятно, что нечистого убить нельзя, но изрядно потрепать-то можно? Вполне! Последующие две минуты были самыми неприятными в его жизни...

– Ничего ценного не откусили? – заботливо поинтересовался Лев, когда обслюнявленная и изрядно пожёванная жертва собственной тупости догнала его на ночной улице.

– Зачем так сделал, э-э? Зачем меня подставил? Зачем...

– Забей, а не то я сам тебе забью. – Оболенский поднял было руку для подзатыльника, но передумал пачкаться в слюнях и шерсти.

Какое-то время они топали молча, шайтан считал синяки, царапины и укусы, а герой нашего повествования, не сбавляя шага, вязал из широкой зелёной ленты скользкую петлю. И только у самых ворот постоянного двора Лев снизошёл до вопроса:

– Слышь, уникам, ты под костюм галстук носишь? Нет? Так я и думал... Тогда при- мерь!

Бедный шайтан не успел даже вякнуть. Если пару минут назад он был уверен, что ничего хуже погрызания его двумя азиатскими овчарками в его жизни ещё не было, то теперь он понял, как страшно заблуждался... Зелёная лента, свидетельствующая о том, что её обладатель совершил паломничество в Мекку, украшенная сурой из Корана, жжала горло нечистого, как самый надёжный ошейник на свете, и одного движения суровой православной руки было достаточно, чтобы враг рода человеческого начал задыхаться!

– Пусти-и... нехороший урус... обманщик... э-э... меня нельзя... Я же... э-э... шайтан...

– Как же, как же, помню, знакомились, но на брудершафт всё равно не поцелую, не надеюсь, – честно предупредил Оболенский. – А теперь изобрази мне жуткую злобную тварь потустороннего мира, мне тут кое-кого попугать надо. Но не так, чтоб до инфаркта, максимум – до энурезу...

Первоначально шайтан решил не подчиниться, чисто из вредности. Но после пинка коленом под зад понял, что в сущности его толкают на исполнение его же служебных обязанностей. Пугать правоверных мусульман – это же самое что ни на есть шайтанское дело, так почему бы и нет?!

Слуги Абдрахима Хайям-Кара больше не тревожили постояльцев, сонный народ разбрёлся по своим местам, бормоча проклятия, но не желая ни словом упрёка всерьёз задеть людей шейха. Ибо никто не хотел, чтоб его признали «недостаточно верующим». А неверие – самый страшный грех для честного мусульманина...

– Всем привет! Не помешал?

Взорам людей в чёрном представился тот, кого они искали, тот, кто их бил и кого они не поймали. Такого шанса нельзя было упустить...

– Хватайте безбожника! – строго приказал «пьяный» торговец «украденным» ковром эмира. – Шейх велел взять этого грязного шайтана живым!

– О, как раз в тему... насчёт шайтана. – Лев потянул зелёную ткань, намотанную на кулак, и из-за его спины послушно выпрыгнул сам нечистый, скаля жёлтые клыки и бешено пуча глаза. – Такой подойдёт? Натуральный, исламский, местной сборки, юзанный, но это же только в плюс, так как сбоев не даёт! А ну, покажи им свою пошлую задницу, полную греха и порока...

Тишина длилась меньше минуты. Во-первых, шайтана на такое дело не надо долго просить, во-вторых, остолбенение тоже требует времени, а войти в ступор всегда легче, чем из него выйти.

– Спаси нас, Аллах! – первым взвыл «пьяница», с разбегу взяв открытые ворота и легко посрамляя все рекорды Бубки без шеста. Реакция остальных была менее адекватна – люди падали в обморок, бились головами о стены, теряли голос, пытались зарыться в землю, реально (хотя кто проверял?) сходили с ума, а двое – так трусливо перебежали на «сторону Тьмы», бросаясь Оболенскому в ноги и умоляя «иблиса с шайтаном» принять их в вечное рабство.

– Не бойсь, граждане, он у меня ручной и дрессированный. Но и дорогу загораживать не рекомендую – тяпнет разок, и забодаетесь уколы от бешенства делать...

Ещё трое фанатов ушли, пробив лбами глинобитный забор, лишь бы избежать уколов.

– А если я его вдруг не удержу, то что, собственно, будет? Да ничего такого уж страшного. Вряд ли кого-то съест целиком, но всё равно близко не подходите – он сегодня какой-то озабоченный. Стосковался без самки, кидается на всех подряд. Но его тоже можно понять: всегда один да один...

Потерявшие сознание ожили и ломанулись на выход так, словно их «девственность» уже была безвозвратно утеряна под похотливым взглядом подпрыгивающего нечистого. Надо признать, что теперь и сам шайтан вошёл во вкус, его давно так ярко и весело не пуга-

лись. У людей Хайям-Кара действительно был повод для серьёзных опасений, но Лев жёстко контролировал ситуацию.

– Фу! Сидеть! Сидеть, я сказал! Ишь, разрезвился у меня тут. А ну втянул возбуждённые части тела! Вот так-то лучше. Рабинови-и-ич! Ты где там застрял? Хватай эмира за хвост и дуй сюда! Я тебя заждался, счастье моё лопухое...

Видимо, умный ослик отслеживал обстановку и давно успел о чём надо столковаться с временным собратом, потому что по первому зову хлипкая дверь стойла была вынесена сдвоенным ударом задних копыт. Вновь разбуженные люди стали свидетелями чудесного зрелища, достойного кисти Иеронима Босха.

– *Таниуй, дочка моя Этинэ!* – в голос распевал татарскую песню русский дворянин, стоя на спине двух ишаков и удерживая впереди на зелёном поводке подпрыгивающего шайтана.

Ослики отстукивали копытцами ритм, нечистый кривлялся и строил рожи, праведные мусульмане на коленях взывали к Аллаху, но, возможно, и сам Всевышний замер от изумления, увидев проделки Багдадского вора. В общем, гром и молнии на его голову не обрушились, идиотов на Востоке мало, поэтому в погоню тоже никто не кинулся.

За воротами Лев прыгнул с Рабиновича и эмира, потрепал обоих по загривку, пообещал украсть для них по морковке за труды и честно отпустил на свободу шайтана.

– Сними с меня... э-э... страшную ткань с сурой из Корана!

– Ни фига, так гуляй, тебе идёт, – жёстко обрезал Оболенский. – Мы сейчас друг друга поиспользовали: ты мне помог, я – тебе, на этом взаимный рехмет, респект, абзац и разбежались!

– То есть мы не друзья, э-э?! – обомлел уязвлённый в самое сердце шайтан.

– Нет. У меня есть другой. Ты его знаешь, но, если мы вдруг расстанемся (что вряд ли, но кто знает), я тебе сам перезвоню...

Рабинович козырнул правым передним копытом, белый ослик, наоборот, гневно фыркнул на нечистого, и тот испуганно отпрыгнул в сторону. Впрочем, не особо обидевшись. Как говорится, не перекрестил, и уже спасибо. Малороссийскому чёрту повезло с Вакулой куда меньше, помните?

Я понимаю, что интеллигентствующему и толерантствующему читателю это не понравится, но всё было именно так. Осуждать нашего героя за то, что он «кинул» шайтана, я не буду. Ибо дружба нечистого с человеком всегда дорого обходится последнему...

Глава двенадцатая

*Никак не разберу, это яблоко кислое или сладкое?
Ева, не Браун!*

Насреддин ждал его там же, где они и расстались, расстелив летающий ковёр прямо посреди улицы, свернувшись калачиком и сладко посапывая. Оболенский, в эту ночь даже не сомкнувший глаз, вознамерился пробудить друга каким-нибудь недружественным способом, но арыка или колодца поблизости не было, а пугать спящего уже как-то и не хотелось. Подумав, он просто улёгся на тот же ковёр широкой спиной к спине домулло и задрях...

Оба ослика, не сговариваясь, встали хвост к хвосту, бдительно охраняя сон спящих хозяев. Можно было не беспокоиться, что хоть кто-то рискнёт потревожить их до утра. То есть целых два часа, до первого крика муэдзина... Неизвестно, что снилось возмутительно спокойствия, но спал он сладко, то сворачиваясь в клубок, словно кот у печки, то потягиваясь, как бенгальский тигр, которому чешут сытое пузо.

Сны бывшего россиянина, игривой волей судьбы заброшенного в загадочные восточные сказки и, что удивительно, привыкшего вполне комфортно ощущать себя в этом мире, были вполне конкретны и читаемы. Ему снилась пустыня, великая и бескрайняя. Неумолимые пески, охлаждённые лунным светом, искрящийся миллиардами драгоценных камней купол звёздного неба и маленькая оранжевая точка далёкого костра. И вроде бы у огня сидит его (это неправда!) дедушка Хайям, что-то напевая себе под нос. Лев ускоряет шаг, почти уже бежит, тянет к нему руки, а добежать не может.

Его собственная тень, чёрная и чёткая в сиянии полной луны, вдруг начинает затягивать его, словно зыбучие пески – чёрные, жадные, неумолимые, беспощадные и равнодушные. И нет спасения, дедушка не обернётся, не протянет руку, а тьма, принимая форму чёрной чалмы Хайям-Кара, начинает душить его, одним концом заматывая лицо и шею, а другим связывая руки. И только в самый последний момент могучий Бабудай-Ага падает с небес, подхватывает его под мышки, вытаскивает из пасти песков и деловитым голосом уговаривает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.